

Дмитрий Тренин

Директор Московского центра
Карнеги,
член Российского совета
по международным делам
и Совета по внешней и оборонной
политике

РУССКИЙ ПУТЬ

РОССИЯ и МИР В XXI ВЕКЕ

Дмитрий Витальевич Тренин
Россия и мир в XXI веке
Серия «Русский путь»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12822399

*Тренин, Дмитрий Витальевич. Россия и мир в XXI веке: Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-84586-6*

Аннотация

2014 год внезапно и резко изменил положение России в мире. Восток Украины стал зоной вооруженного конфликта. Отношения РФ с Западом напоминают холодную войну. Москва еще более активно разворачивается в сторону Китая. Так и не состоявшуюся «Большую Европу от Лиссабона до Владивостока» сменяет «Большая Азия» от Шанхая до Петербурга.

Каковы новые ориентиры российской внешней политики? Меняется ли международная идентичность страны? Что означает защита суверенитета в условиях глобализации? Как обеспечить безопасность страны и какие угрозы реальны, а какие надуманны? Можно ли проводить модернизацию экономики, оставаясь во враждебных отношениях с развитой частью мира? Эти и другие вопросы поднимает в своей книге известный российский международник Дмитрий Тренин. Книга адресована тем, кто стремится разобраться в сложных вопросах внешней политики и нуждается в объективном взгляде на вещи.

Содержание

Предисловие	5
I. Внешнеполитический кризис 2014 года	7
Кризис российской внешней политики	10
Почему провалился европейский и – шире – евроатлантический выбор России	12
«Раунд Ельцина»	17
«Раунд Путина»	22
«Раунд Медведева»	26
На пути к кризису: снова Путин, а также Сирия и Сноуден	29
Почему не состоялась евразийская альтернатива?	32
К новому реализму	38
II. Идентичность Российской Федерации	41
Базовые характеристики Российской Федерации: география, этничность, культура, история	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дмитрий Тренин

Россия и мир в XXI веке

Моей жене Вере, которая укрепляет во мне веру в свои силы и помогает держаться курса в жизни

© Тренин Д., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Предисловие

Написать эту книгу меня заставил внешнеполитический кризис 2014 года. Фактически разом оказались разрушены обе стратегии внешней политики России, существовавшие с момента распада Советского Союза, – основная и альтернативная. Первая предусматривала встраивание РФ в Евроатлантическое сообщество в качестве его равноправного члена, вторая – интеграцию пространства бывшей советской Евразии под руководством России. Обе стратегии «споткнулись» на Украине, хотя в обоих случаях Украина выступала в роли катализатора процессов, а не их причины.

Для России Украина имеет уникальное значение с точки зрения проблем идентичности (империя – национальное государство – русский мир), суверенитета (места, роли и возможностей России в условиях мирового порядка, в котором доминируют Соединенные Штаты Америки), безопасности (общая безопасность или баланс сил) и интеграции (Большая Европа или Большая Евразия). В украинском кризисе сошлись, таким образом, коренные вопросы российской внешней политики начала XXI века.

Сегодня этот кризис позади. Поворот состоялся. С 2015 года Россия живет в новой геополитической реальности. Это долгосрочная конфронтация с Соединенными Штатами Америки и взаимное отчуждение с Европейским союзом, включая его поднимающегося лидера – Германию. Это конфликт на крайнем юго-востоке Украины, в Донбассе, враждебные отношения с политическими элитами в Киеве и значительной частью украинского общества. Это, с другой стороны, еще более тесное сближение, своего рода «антанта» (согласие) с Китаем и позиционирование Россией себя как одной из ведущих сил мирового «не-Запада».

Этой геополитической обстановке соответствует геоэкономическая реальность западных санкций против России, которые наложились на структурные проблемы российской экономики, вызвавшие к 2014 году остановку ее роста, а в 2015 году – рецессию. Особенно сильный удар по слабо диверсифицированной российской экономике нанесло резкое, в два раза, падение цен на нефть. Российское руководство оказалось перед выбором: менять экономическую модель путем глубоких и рискованных реформ или постараться переждать кризис в надежде, что он будет не слишком глубоким и продолжительным. Пока что правительство сосредоточилось на антикризисных мерах.

Наконец, Россия оказалась в новой международно-правовой реальности. Ее новые границы не признаны, многие действия правительства рассматриваются как противоправные, против РФ выдвинуты обвинения в связи с гибелью пассажирского самолета над Донбассом. Суды в Европе и Америке один за другим принимают прецедентные решения не в пользу России, в результате чего создается реальная угроза для российской собственности за рубежом.

На этом геополитическом, экономическом и правовом фоне особенно заметен подъем российского патриотизма, государственнических настроений, а также национализма – от вполне умеренного до крайнего. Новый идеологический климат с его упором на государственные, а не частные интересы, с одной стороны, способствует сплочению современной российской нации, но с другой – из-за заметного усиления патерналистских тенденций – осложняет становление гражданского общества, которое только и может являться ядром такой нации.

Эта небольшая книга написана для тех, кто сознает себя не только жителями России, но и ее гражданами. Гражданское сознание воспринимает страну не только как территорию с определенным населением, но прежде всего как общее дело – *res publica*. Гражданин не только периодически участвует в выборах, но и принимает участие в обсуждении полити-

ческих проблем. Для того чтобы такое обсуждение имело смысл, граждане должны быть достаточно информированными и иметь в голове хотя бы общую картину мира. Это относится и к сфере внешней политики, которую большинство людей воспринимают именно как внешнюю по отношению к своей повседневной деятельности и насущным заботам.

Главный тезис автора прост. Он заключается в том, что внешняя политика касается граждан не меньше, а иногда даже больше, чем какие-то события и решения внутренней политики. В отличие от дел внутренних, затрагивающих, как правило, отдельные группы людей, внешняя политика касается всех. Если война – то мобилизация мужского населения, если санкции – то удар по всем потребителям, если интеграция – то расширение пространства не только для передвижения товаров, услуг и капиталов, но и людей.

Из этого тезиса логически вытекает, что общество не должно просто оставлять внешнюю политику на попечение руководителей государства и специально обученных чиновников. Отечественная история свидетельствует, что некритическая «всенародная поддержка» действий властей – своего рода догражданский патриотизм – может затем обернуться горькими разочарованиями. Патриотизм без гражданственности способен на подвиги и свершения, но по самой природе своей он неустойчив и не может стать основанием для стабильного государства.

Для того чтобы выстроить прочное основание, нужны активные граждане. Они обязаны интересоваться и международными отношениями, разбираться в их важнейших проблемах, обсуждать и оценивать действия главы государства, его министров и дипломатов, формировать и продвигать общественный запрос и, как следствие, нести свою долю ответственности за международную деятельность страны.

Именно таким гражданам – критическим патриотам России – адресована эта книга. Это не очерк об основных направлениях российской внешней политики, а приглашение к разговору о ее важнейших, с точки зрения автора, проблемах и возможных путях их решения. Собственно, главным здесь является серьезный основательный диалог по вопросам, касающимся всех нас.

Книга построена следующим образом. Вначале анализируется внешнеполитический кризис 2014 года: его причины, ход и результаты для России. Затем последовательно разбираются главные элементы внешнеполитической позиции страны в начале XXI века – идентичность, суверенитет, безопасность, интеграция. Наконец, в заключении речь идет о роли общества в формировании и сопровождении внешней политики.

Дмитрий Тренин
Август 2015 года

I. Внешнеполитический кризис 2014 года

В канун столетия Первой мировой войны произошел всплеск интереса к кризису 1914 года, приведшего к столкновению великих держав. К годовщине вышли новые или были переизданы классические труды историков, статьи публицистов, воспоминания современников, художественные и документальные фильмы¹. В России впервые за сто лет заинтересовались забытой войной, в которой погибли миллионы наших соотечественников. Главный вопрос, волновавший большинство читателей и писателей, заключался в следующем. Как и почему получилось, что просвещенная и цивилизованная Европа, достигшая к началу XX века пика своего развития и поднявшая первую волну глобализации, низверглась в пучину саморазрушения, братоубийства и варварства? За этим вопросом иногда читался другой: возможно ли в наши дни повторение трагедии 1914 года?

Вместо ответа на этот вопрос Европа получила новый кризис. В ночь с 21 на 22 февраля 2014 года соглашение об урегулировании политического противостояния, только что подписанное президентом Украины Виктором Януковичем с лидерами оппозиции Арсением Яценюком, Виталием Кличко и Олегом Тягнибоком и скрепленное подписями министров иностранных дел Германии, Польши и Франции в присутствии специального представителя президента России, было отвергнуто киевским Майданом – сотнями тысяч людей, к тому времени три месяца протестовавших на главной площади столицы Киева. Оставшийся без поддержки своих силовиков, Янукович с горсткой приближенных бежал из Киева вначале на восток страны, затем в Крым и, наконец, в Россию².

Майдан, собравшийся еще в конце осени 2013 года под лозунгами европейского выбора Украины, уважения человеческого достоинства ее граждан и протеста против всепроникающей коррупции, торжествовал победу. Правда, к началу 2014 года гражданский элемент Майдана был уже не единственным и даже не доминирующим. За протестующими встали обиженные Януковичем и его кланом олигархи, а на самом Майдане в лидеры выдвинулись националисты. В результате, когда Янукович был низложен, целью внешней политики Украины была провозглашена интеграция в Европу и евроатлантические институты, но олигархат – без Януковича – в основном сохранился, а новая украинская идентичность должна была строиться на полном отказе от советского и имперского российского прошлого, при безусловном приоритете украинского языка и культуры.

Западные правительства и общественное мнение горячо приветствовали новую майданную революцию в Киеве³ как торжество европейских ценностей и свидетельство их притягательной силы. Еще в ходе киевского противостояния официальные представители США и стран Европейского союза открыто встали на сторону Майдана и убеждали Януковича и его правительство идти на уступки митингующим и ни в коем случае не применять против них силу. Сам Майдан рассматривался на Западе как выражение демократического протеста украинцев не только против засилья коррупции, но и против внешнеполитической ориентации Януковича на Москву⁴.

¹ См., напр., Christopher Clark. *Sleepwalkers. How Europe went to War in 1914*. Allen Lane, 2012; Такман Б. *Августовские пушки*. М., 2014. Издательство АСТ (первое издание вышло в свет в 1962 году, первое русское издание – в 1972 году).

² О деталях операции по переправке В. Януковича на территорию России рассказал президент РФ В. Путин в фильме «Крым. Возвращение домой» (2015 год).

³ «Первый Майдан» в конце 2004 года привел к «оранжевой революции». В результате третьего тура президентских выборов к власти пришел прозападный политик Виктор Ющенко. «Оранжевая революция», однако, разочаровала всех, включая ее самых горячих сторонников.

⁴ Raj Menon, Eugene Rumer. *The Ukraine Crisis*. MIT Press, 2014.

Действительно, непосредственным толчком к Майдану стало решение Януковича в ноябре 2013 года отложить подписание уже подготовленного соглашения об ассоциации Украины с Европейским союзом. Украинский президент, хотя и с опозданием, осознал последствия реализации соглашения не столько для украинской экономики и общества, сколько для своей власти (в преддверии выборов 2015 года). На Банковую улицу⁵ оказывал воздействие и Кремль. Москва посылала Киеву недвусмысленные сигналы: ассоциация с ЕС нанесет серьезный ущерб экономическим связям обеих стран, но присоединение Украины к Таможенному союзу РФ, Белоруссии и Казахстана способно привести к возрождению украинской экономики.

Янукович колебался, но в конце концов на рубеже 2013–2014 годов приостановил процесс ассоциации с ЕС и обратился к Москве с просьбой о финансовой помощи, которая была немедленно оказана⁶. Вероятно, он надеялся иметь возможность маневрировать и дальше, не делая решительного выбора в пользу Европы или России, но эти его шаги превратили киевское противостояние в своего рода соревнование по перетягиванию каната между Западом и Россией, главным «призом» которого была вторая по площади и седьмая по населению страна Европы – Украина.

Сама по себе ассоциация и связанное с нею соглашение об углубленной зоне свободной торговли Украина – ЕС значили не слишком много: от ассоциации до членства в ЕС дистанция огромная, но символическое значение этого шага невозможно было переоценить. Выход Украины из исторической сферы притяжения России и ее переориентация на Запад означали фундаментальный сдвиг на востоке Европы. Это понимали и в Европе, и в России.

Надежды Москвы на формирование евразийского центра силы на платформе бывшего СССР оказывались подорванными: без Украины российский интеграционный план очевидно недобирал «критическую массу»⁷. Украинский пример свержения действующей власти, кроме того, становился источником вдохновения для антисистемных активистов в других странах – Армении, Белоруссии, а также в самой России. Выветрившийся, казалось бы, призрак «цветных революций» приобретал новую силу.

Для официальной Москвы, таким образом, киевские события стали сильнейшим шоком. В своей политике на украинском направлении президент России Владимир Путин основывался на глубоко историческом подходе и тезисе об органическом единстве Русского мира. «Русские и украинцы, – многократно повторял В. Путин, – это один народ»⁸. Одновременно Кремль проводил чрезвычайно прагматичный курс на постепенное подтягивание Украины к проектируемому Москвой Евразийскому союзу.

Главным и фактически единственным партнером Москвы в этом проекте выступало высшее руководство в Киеве – президент Украины и верхушка его администрации. Насколько можно судить, расчет состоял в том, чтобы поставить Януковича, к которому большого доверия в Кремле никогда не было, в положение, в котором у него оставался бы только один выход: сближение с Москвой и интеграция Украины в Евразийский союз.

В решающий момент, однако, Янукович, который всегда вел игру исключительно в собственных интересах, внезапно сбежал со сцены, а европейские правительства, представители которых засвидетельствовали февральский компромисс между властью и оппозицией на Украине, оказались не готовы и неспособны управлять ситуацией, когда соглашение было разорвано.

⁵ Там расположена резиденция главы украинского государства.

⁶ В декабре 2013 года Россия заявила о предоставлении Украине займа в размере 15 млрд долл., причем 3 млрд были выплачены сразу же.

⁷ Глазьев С. Украинская катастрофа. М.: Книжный мир, 2015.

⁸ Путин В. Выступление на Валдайском форуме. Сентябрь 2013 года.

Для Кремля этот резкий разворот стал сигналом того, что в украинский кризис открыто вступили Соединенные Штаты Америки. Согласно этой версии, именно американцы через своих агентов спровоцировали кровавые столкновения в центре Киева; запугали Януковича, затем лишили его поддержки сил безопасности и в результате заставили спасаться бегством; подталкивали лидеров оппозиции бороться за власть до конца; наконец, грубо отстранили европейцев от активной роли в дальнейших событиях.

Вывод, с точки зрения Кремля, был очевиден: Украина не только противоестественно отрывалась от России, но и превращалась в плацдарм для давления на РФ по всем линиям: политической, экономической и – не в последнюю очередь – военной.

Дальнейшие события хорошо известны. В результате успешно проведенной операции Россия к началу марта 2014 года установила полный контроль над Крымом и создала условия для волеизъявления жителей полуострова в пользу присоединения к РФ⁹.

Напротив, попытка поднять «антимайдан» в юго-восточных областях Украины оказалась в основном провальной. Удалось организовать лишь референдум в Донбассе, в результате которого в мае 2014 года были провозглашены Донецкая и Луганская народные республики, отказавшиеся признать новую киевскую власть. Попытка новых украинских властей восстановить контроль над Донбассом привела к началу вооруженного конфликта на крайнем юго-востоке Украины, продолжающегося по сей день¹⁰.

Гражданская война на Украине быстро превратилась в противоборство, в которое оказались втянутыми, с одной стороны, Россия, а с другой – США и их союзники по НАТО. Москва, присоединившая Крым, морально, политически и материально поддержала республики Донбасса в их борьбе против «нацистского режима» в Киеве. Российская военная помощь предотвратила разгром донбасских ополченцев летом 2014-го и зимой 2014–2015 годов. Россия поддерживала новопровозглашенные республики экономически и отстаивала их интересы на дипломатическом поле.

США и их европейские, канадские и австралийские союзники, напротив, однозначно поддержали новые власти в Киеве, которые легитимировали себя в ходе президентских и парламентских выборов в мае и октябре 2015 года. Одновременно они возложили вину на Россию за «агрессию» против Украины, «аннексию» Крыма и «военное вмешательство» в Донбассе, а также за уничтожение малайзийского пассажирского самолета над Донбассом в июле 2014 года. Вашингтон взял курс на политическую изоляцию руководства РФ, экономическое и финансовое давление на Россию при помощи санкций, укрепление восточного фланга НАТО и активное противоборство с Россией на информационном поле.

За несколько месяцев, даже недель весны – лета 2014 года партнерство между Россией и Западом, существовавшее после окончания холодной войны, сменилось конфронтацией и прогрессирующим отчуждением. Военное столкновение РФ и НАТО стало вновь возможным в принципе – в результате грубого просчета, трагической ошибки или утраты контроля над ходом событий. Четырнадцатый год близко подошел к тому, чтобы оправдать свою репутацию.

⁹ Несмотря на отсутствие международной сертификации референдума 17 марта 2014 года, нет сомнений, что подавляющее большинство жителей Крыма высказались за вхождение в состав Российской Федерации.

¹⁰ На июль 2015 года в ходе этого конфликта, по данным ООН, погибло не менее 6700 человек.

Кризис российской внешней политики

Очевидно, что 2014 год стал для внешней политики России переломным. То, что произошло в тот год, может в будущем оказаться губительным для страны, но может обернуться и спасительным. Результат будет зависеть главным образом от действий руководства РФ и позиции российских элит, всего российского народа.

Сегодня уже очевидно, что *обе* центральные внешнеполитические идеи, которым страна следовала на международной арене на протяжении предыдущей четверти века (1989–2014 гг.): основная, «европейского выбора», и альтернативная, «евразийского пути», – в 2014 году доказали свою несостоятельность. Вернуться назад, скажем в предкризисный 2013-й, и «переиграть» ситуацию заново не получится. Нужно смотреть вперед, выработать новые стратегии, исходя из существующей ситуации и учитывая уроки прошлых неудач. Для начала, однако, необходимо разобраться, почему «европейский выбор» и «евразийский путь» зашли в тупик.

«Европейский выбор», сформулированный Москвой еще на закате советского периода¹¹, предполагал:

- вхождение/возвращение России в Европу на путях экономических, политических и общественных преобразований;
- высокое положение РФ в рамках Евроатлантического сообщества;
- экономическую, правовую и гуманитарную интеграцию с Европейским союзом и вступление в НАТО или заключение союза с альянсом;
- равноправное партнерство с США.

И все это при условии сохранения Россией широкой автономии в сфере внутренней и внешней политики.

Несмотря на настойчивые попытки четырех президентов подряд – Михаила Горбачева, Бориса Ельцина, Владимира Путина и Дмитрия Медведева, – этот выбор оказался нереализованным. Напротив, украинский кризис 2014 года привел к резкому обострению отношений России с Западом. Официальные партнеры вновь стали соперниками, даже – в случае США – фактически противниками. То, что создавалось на протяжении 25 лет, начиная с согласия СССР на воссоединение Германии и самоопределение Восточной Европы, улетучилось в 2014 году за считанные дни.

Сама быстрота скатывания от декларируемого партнерства к противоборству демонстрировала, что партнерство уже давно находилось в кризисном состоянии, противоречия и обиды. Взаимное недовольство накапливалось, и нужен был лишь достаточно сильный толчок, чтобы отношения сместились в исторически более привычную область конфронтации и отчуждения. Об этом же свидетельствовала и легкость, с которой конкретные участники событий с обеих сторон сменили риторику и превратились в жестких оппонентов. У партнерства оказалось не так уж много защитников, причем по обе стороны.

Интересно, что историческая альтернатива (в России) европейскому выбору – «евразийский путь» – не выиграла от исторического провала своего конкурента. Да, с 1 января 2015 года официально заработал Евразийский экономический союз (ЕАЭС), но реальные глубина и размах евразийской интеграции оказались на порядок скромнее того, что мыслилось ее инициаторами. Идея большого (непреренно вместе с Украиной) и тесного (обязательно с включением политики и безопасности, наряду с экономикой) Евразий-

¹¹ Выступление Председателя Верховного Совета СССР М. С. Горбачева в Совете Европы 6 июля 1989 года. В кн.: Визит М. С. Горбачева во Францию. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1989.

ского союза¹² оказалась нереализуемой. Союз возник лишь в сильно усеченном варианте – без Украины и без политической составляющей. В итоге ЕАЭС представляет собой сравнительно скромное по масштабам и прагматичное, по сути, чисто экономическое объединение, очень далекое сегодня от того, чтобы стать одним из мировых «центров силы» во главе с Россией.

Прежде чем решить, что делать дальше в условиях, когда российские «план А» и «план Б» оказались непригодными, нужно оценить обстановку и понять, где в итоге находится Россия сейчас и какие выводы ей необходимо извлечь из того, что произошло.

¹² Путин В. Статья в «Известиях», 11 октября 2011 г.

Почему провалился европейский и – шире – евроатлантический выбор России

Кризис вокруг Украины¹³ имел много конкретных причин, но его фундаментальной причиной была незавершенность политического урегулирования в Европе после окончания холодной войны. Дело не в том, что после коренных изменений 1989–1991 годов в Европе не состоялось конгресса по типу Венского или конференции главных игроков по подобию Ялтинской. В ноябре 1990 года была принята «Парижская хартия для Новой Европы», которая провозгласила общие принципы новых отношений. Тогда же был подписан Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), исключавший возможность внезапного массированного нападения. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), действовавшее с 1975 года, было преобразовано в 1994 году в организацию (ОБСЕ).

Ожидания сторон, однако, сильно различались. Последний генеральный секретарь ЦК КПСС и первый (и единственный) президент СССР Михаил Горбачев и его соратники, сформулировав во второй половине 1980-х годов «новое политическое мышление», надеялись заменить конфликт с Западом долгосрочным сотрудничеством с ним, но непременно на равноправной основе «дружественного кондоминиума»¹⁴.

Партнеры Горбачева в США и Западной Европе тем временем решали другую задачу – обеспечения «мягкой посадки» Советского Союза, его глобального геополитического отступления и внутренней либерализации до того, как силы реакции внутри страны попытаются вернуть утраченные позиции¹⁵. Советский Союз уходил в историю, и западные лидеры помогали ему сделать это по возможности мирно.

В краткосрочном плане западные политики были много реалистичнее Горбачева. Его «новое мышление» было подвергнуто тщательной и всесторонней проверке и расценено как вынужденный отказ Москвы от прежних догм и сдача позиций. Баланс отношений быстро и кардинально изменился. С тех пор как СССР с 1988 года стал брать на Западе крупные займы формально «под реформы», а реально – для смягчения быстро ухудшавшейся экономической ситуации, Москва попадала во все большую зависимость, причем не только финансовую, но и политическую – от вчерашних противников, ставших партнерами¹⁶.

В руках новых партнеров эта зависимость стала рычагом. Для того чтобы получить новые кредиты, Советскому Союзу приходилось идти на все более крупные геополитические уступки, причем в ускоренном темпе: западные лидеры обоснованно опасались свержения Горбачева¹⁷. Москва же, хотя и сама стремилась к быстрейшему прекращению противостояния, вынуждена была соглашаться с такими условиями мира, которые ее не вполне

¹³ Здесь и далее мы говорим об украинском кризисе как о международно-политической ситуации, в которой оказались затронуты интересы как самой Украины, так и ряда крупных мировых игроков, прежде всего России, США, Европейского союза (и Германии как поднимающегося лидера ЕС). Многоаспектный кризис собственно на Украине – политический, экономический, идеологический – теснейшим образом связан с международным кризисом вокруг Украины, породил и подпитывает его, но в данной работе не рассматривается.

¹⁴ Горбачев М. С. Перестройка. Новое мышление для нашей страны и всего мира. М.: Политиздат, 1988; Черняев А. С. Совместный исход. Дневники 1972–1991. М.: РОССПЭН, 2010; Его же. 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М.: Республика, Terra.

¹⁵ George Bush and Brent Scowcroft. *A World Transformed*. N. Y.: Knopf, 1998. James Baker. *The Politics of Diplomacy*. N. Y.: Putnam, 1995. George Shultz. *Turmoil and Triumph*. N. Y.: Scribner, 1995. Margaret Thatcher. *The Downing Street Years*. HarperCollins, 1993. Helmut Kohl. *Erinnerungen 1982–1990; 1990–1994*. Droemer, 2005.

¹⁶ Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.

¹⁷ Robert Gates. *Duty. Memoirs of a Secretary at War*. Vintage, 2014.

устраивали. Наиболее рельефно это проявилось в вопросе членства объединенной Германии в НАТО¹⁸.

В долгосрочном плане Запад уже на рубеже 1980–1990 годов утрачивал интерес к угасавшему Советскому Союзу. «Новый мировой порядок», анонсированный президентом США Джорджем Бушем в 1990 г. накануне Первой войны в Персидском заливе, не предусматривал какого-либо особого места для СССР. Не было у США и их союзников в тот период и планов глубокой интеграции Советского Союза в западные институты. Не случайно с западной точки зрения холодная война завершилась в 1989 году с воссоединением Германии и Европы¹⁹, а символом ее окончания стало открытие (позднее трансформировавшееся в разрушение) Берлинской стены. С этого момента даже судьба самого СССР перестала быть для Запада центральным вопросом нового миропорядка.

Точку в холодной войне, тем не менее, поставило свержение коммунистической системы в Советском Союзе в августе 1991 года. Не только российские демократы и либералы, но и отечественные консерваторы ставят это в заслугу народу страны, который без внешней помощи освободился от навязанной большевиками почти 75-летней несвободы.

Интересно и характерно, однако, что в западном историческом нарративе августовские события в Москве, положившие конец власти КПСС, если и присутствуют, то не более чем в качестве эпизода. Для Запада, напротив, главное и безусловно положительное событие 1991 года – это распад Советского Союза, оформившийся в декабре. Если россияне, таким образом, ставят на первое место освобождение самих себя от диктатуры, то люди Запада – крах исторической Российской империи. Это важное, принципиальное различие.

Особенностью окончания холодной войны было мирное (в результате внутренней трансформации советского общества, а не военного поражения СССР) и внешне почетное завершение длительного противостояния Востока и Запада. Советская система рухнула под собственной тяжестью, СССР распался, но его мощные вооруженные силы остались нетронутыми, страна не была завоевана и оккупирована неприятелем, а советский красный флаг над Кремлем сменился не на иностранный, а на национальный российский. Все это позволило укрепиться в России представлениям о том, что в холодной войне не было побежденных.

Президенты Михаил Горбачев и Борис Ельцин отстаивали облегченный и лестный для россиян тезис о том, что 40-летняя конфронтация СССР и западного мира во главе с США завершилась некой «общей победой»: побеждена была сама «холодная война», а все принимавшие в ней участие стороны, в том числе и Россия, выиграли²⁰.

Действительно, на рубеже 1990-х годов была отодвинута, если не вообще снята, угроза всеобщего ядерного уничтожения. Радикальное сокращение ядерных и обычных вооружений привело к резкому сокращению военных расходов и появлению «мирного дивиденда». Прекратился целый ряд застарелых конфликтов – от Юго-Восточной Азии (Камбоджа) до Юго-Западной Африки (Намибия) и Центральной Америки (Сальвадор). В результате стало быстро восстанавливаться единство прежде расколотого мира – экономическое, информационное и гуманитарное.

Одновременно, однако, вслед за обветшавшим и сброшенным народами СССР коммунистическим режимом распалась и сама историческая Россия. Руководство Российской Федерации, которое с самого начала рассматривало РФ как продолжателя исторической российской государственности, включая ее советский период, а с 2000-х годов все яснее под-

¹⁸ М. С. Горбачев и германский вопрос.

¹⁹ Иными словами, с фактическим демонтажом «социалистического содружества» в Восточной Европе.

²⁰ Михаил Горбачев. Жизнь и реформы: в 2 книгах. М.: Новости, 1995. Борис Ельцин. Записки Президента. М.: Огонек, 1994.

черкивало неразрывную связь РФ с Советским Союзом, обязано было осмыслить причины и последствия поражения СССР и извлечь из этого уроки на будущее. Без этого «вступление в права наследства» Советского Союза не могло быть по-настоящему осмысленным.

На Западе, особенно в США, окончание противостояния было воспринято прежде всего как поражение советской империи и насаждавшейся ей коммунистической идеологии. Именно *государство* СССР, а не *состояние* холодной войны было, с западной точки зрения, реально проигравшей стороной, оказавшейся на «свалке истории». Именно там видел место Советского Союза еще в начале 1980-х годов президент США Рональд Рейган²¹. Победителями же были Запад, США как лидер свободного мира, Рейган как президент, отправивший СССР в нокаут, а также демократия, рынок и права человека как основные ценности.

Доказательств этого тезиса было предостаточно. Советская командная экономика проиграла соревнование с западной рыночной экономикой в таких ключевых вопросах, как производительность труда и способность использовать достижения научно-технической революции. Советская политическая система тотальной диктатуры одной партии не сумела интегрировать интересы «повзрослевшего» общества и не выдержала напора внутренних сторонников демократии западного образца.

Союзнические отношения со странами Варшавского договора исчезли, как только народы бывших соцстран смели навязанные им Москвой коммунистические режимы. Да, военного поражения СССР не испытал, но его экономическое, политическое, идеологическое поражение было полным и несомненным. В итоге Российская Федерация официально восприняла именно то, против чего так ожесточенно боролась Советская Россия: демократию, рынок, свободы. Исход противостояния, таким образом, не мог быть более ясным.

Торжествуя победу над политическим идеологическим противником, Запад счел свою работу в основном сделанной. Триумф был полным. История международных отношений, т. е. борьба более или менее равновеликих сил за преобладание в мире, была объявлена «закончившейся»²². Геополитика с ее вечными балансами и контрбалансами была признана устаревшей, и на смену ей пришла всепроникающая глобализация, продвигаемая развитыми экономиками США и Западной Европы. Противовеса Соединенным Штатам, Западу в мире больше не было.

Наступило то состояние, которое впоследствии получило название «момент однополярности». Многим, особенно в США, тогда показалось, что стало возможным строить миропорядок без оглядки на конкурентов или устаревшие понятия «реальной политики». Типичная для прошлого ситуация, в которой крупная страна, потерпевшая историческое поражение и глубоко травмированная этим опытом, находит свои новые отношения с победителями-партнерами все менее удовлетворительными и стремится к пересмотру правил игры, многим казалась невероятной.

Россия после короткого (в пять-семь лет) периода неоправдавшихся надежд была «списана в архив» как незначительная международная величина. Ее называли по-разному: «Саудовская Аравия (вариант: Нигерия) под снегом», *petrostate*, «бензоколонка, выдающая себя за государство» (последнее название принадлежит американскому сенатору Джону Маккейну). Считалось, что сила России будет неуклонно убывать. После дефолта 1998 года многим вообще виделся «мир без России».

Где-то на далекой периферии нового мирового порядка оставалась проблема постсоветского пространства, но она считалась не особенно актуальной и в принципе решаемой. Даже тезис о «веймарской России» с его глухим намеком на непрочность нового «Версаля» не казался особенно страшным. Россия считалась слабой и не способной на серьезный

²¹ Ronald Reagan. The Reagan Diaries. N. Y.: HarperCollins, 2007.

²² Francis Fukuyama. The End of History and the Last Man. N. Y.: Free Press, 1992.

реванш. К тому же на протяжении первых двенадцати-тринадцати лет после расставания с коммунизмом РФ находилась в политической орбите Запада.

Для того чтобы «встроиться» в новый, установленный Западом порядок, Россия должна была не только сбросить коммунизм (что было сделано ее народом в 1991 году без посторонней помощи), но и отказаться от советского наследия, заклеить его как чуждое и чужое, подобно тому, как это произошло в ФРГ с наследием германского национал-социализма.

Этого, однако, не произошло. Президент Ельцин с самого начала отказался от предлагавшейся ему идеи суда над КПСС и амнистировал участников путча ГКЧП 1991 года и октябрьского противостояния 1993 года. Сменивший его Владимир Путин с самого начала взял курс на восстановление единства российской истории для формирования общественного консенсуса на государственно-патриотической основе.

То, что распад Советского Союза, который никогда не был целью Запада в холодной войне, стал подаваться как символ победы, не могло пройти незамеченным в России. Это подкрепляло «почвеннический» тезис о том, что проблемы России в отношениях с Западом начались не в 1917 году и не закончились в 1991-м. Западные страны, и прежде всего США, принявшие эстафету геополитической конкуренции с Россией от Британской империи, стали все чаще восприниматься в качестве исторических оппонентов.

Для самого Запада первоначально, в 2000 году, соединение имперского двуглавого орла и советского гимна выглядело как пример путинского прагматизма. Во второй половине 2000-х годов, однако, на Западе обнаружили явные признаки появления на свет российского «реваншизма». Впрочем, этот «реваншизм» не воспринимался как что-то угрожающее, но требовал отпора.

Таким образом, речь шла не только и не столько об ошибках сторон, не сумевших правильно просчитать намерения и действия друг друга. Между Россией и Западом выявились фундаментальные мировоззренческие различия на уровне элит и обществ, коренившиеся в разнице уровней и направлений социально-экономического и политического развития, а также исторического опыта. В результате интеграции не получилось ни «сверху», ни «снизу».

В принципе, страна российского уровня экономического, социального и политического развития способна интегрироваться в современное западное сообщество при одном главном условии – согласии ее элит и большинства населения на политическую ассимиляцию в рамках расширенного Запада, фактически – на руководство собой со стороны «старших», т. е. США, ЕС, НАТО, и на периферийное положение в системе. В случае такого согласия в течение одного поколения происходит мягкая смена элит, формируется устойчивый комплекс союзника США, лояльного члена НАТО и кандидата на вступление в ЕС.

Такой выбор не только возможен, но и реален для стран бывшей Восточной (ныне Центральной) Европы, а также для Грузии, Молдавии, даже Украины. Но не для России, учитывая ее размеры, имперское прошлое и унаследованный отсюда специфический менталитет ее элит и большинства населения. Это стало очевидным уже к середине 1990-х годов²³. К середине 2000-х эту «нестыкуемость» России и Запада уже невозможно было маскировать под различные виды «партнерства». Притворяться дольше было уже нельзя, пришлось признать: интеграции не получилось. Спустя еще десятилетие в отношении РФ с США вернулась конфронтация, а в отношении с Европейским союзом – отчуждение.

Прежде чем ситуация приобрела новое качество, отношения России и Запада прошли стадию «проб и ошибок». Были серьезные усилия, направленные на то, чтобы найти устраивающие все стороны формы отношений. С российской стороны можно условно говорить

²³ Dmitri Trenin. Russia Leaves the West. Foreign Affairs, July-August 2006.

о «раундах» Ельцина, Путина и Медведева. Каждый из этих раундов представлял собой попытку найти не только стабильный *modus vivendi*, но и модель интеграции между Россией и Западом. Все они, однако, закончились неудачей.

«Раунд Ельцина»

События 1991 года, как и события 1917-го, – внутреннее дело России, дело рук ее народов. В обоих случаях активное меньшинство выступало за радикальные перемены, а пассивное большинство отказало существующему порядку в поддержке. Иностранное участие в судьбоносных российских событиях (за исключением, пожалуй, лишь периода Смутного времени начала XVII века) – фактор второстепенный, не оказавший существенного влияния на ход истории. В конце 1991 года Российская Федерация, однако, оказалась настолько ослабленной, что отчаянно нуждалась во внешней поддержке. Отсутствие опыта рыночной экономики потребовало призыва иностранных специалистов. Смена идеологии привела к смене ориентиров. Запад, особенно США, оказался в положении приглашенных учителей.

В отличие от большевиков, вооруженных, кроме «маузеров», лишь расплывчатыми видениями Маркса и Энгельса о коммунизме, эти новые учителя опирались на практический опыт и мощь самой сильной и успешной страны – Соединенных Штатов Америки, а также союзной им Западной Европы. Со стороны учеников стремление «подстроиться» под США, быть «усыновленными» было горячим и искренним. Часто цитируемые слова министра иностранных дел Андрея Козырева, сказанные им в 1993 году экс-президенту США Ричарду Никсону о том, что во внешней политике РФ будет ориентироваться на стратегию США, весьма характерны для этого периода²⁴.

Для США и Западной Европы быстрое и удачное завершение холодной войны, не потребовавшее сколь-нибудь значительных усилий, было неожиданным. Тем не менее у них не было сомнений в своей победе. Единоличное лидерство США в новом мировом порядке не подлежало сомнению. Еще в период холодной войны все демократические государства мира (за единственным крупным исключением – Индией) нуждались не только в поддержке и защите, но и в руководстве со стороны США. Теперь и перед новой Россией был открыт путь присоединения к сообществу либеральных демократий при условии проведения глубоких реформ и следования внешнеполитическому курсу, одобренному Вашингтоном.

Перспективы интеграции России в западное сообщество сразу же вызвали параллели с включением Западной Германии и Японии в состав «свободного мира» после окончания Второй мировой войны. Этот опыт, однако, не был востребован в качестве модели. Необходимо учитывать, что в конце 1940-х годов политика США в Европе и Азии определялась не столько стремлением к интеграции бывших противников, сколько необходимостью укрепить европейский и японский капитализм и собственные геополитические позиции США перед лицом активизации международного коммунистического движения и укрепления военно-политической мощи Советского Союза. Еще перед самым окончанием Второй мировой войны такие влиятельные члены администрации Ф. Д. Рузвельта, как министр финансов Генри Моргантау, думали не столько о восстановлении Германии и ее интеграции, сколько о ее расчленении и деиндустриализации.

Россия начала 1990-х годов, в отличие от ФРГ и Японии конца 1940-х, не имела для США значения геополитического барьера, который было необходимо укреплять во что бы то ни стало: после падения СССР у Запада не осталось значимых геополитических, идеологических и военных противников. Но в Москве тогда этого не понимали. Уже в конце 1991 года первый президент РФ Борис Ельцин осторожно постучался в двери НАТО. Его предположили не услышать. Весной 1992 года Ельцин в ходе первого визита в Вашингтон предложил президенту США Джорджу Бушу военный союз и получил ответ, что в нынешней ситуации

²⁴ Dimitri Simes. *After the Collapse: Russia Seeks Its Place as a Great Power*. N. Y.: Simon and Schuster, 1999.

союзы неактуальны, хотя сами США не собирались распускать НАТО и свои двусторонние союзы.

В начале 1990-х годов, если бы США того захотели, они могли бы превратить зависимую от них экономически и настроенную чрезвычайно дружелюбно Россию в стратегического союзника, но потребности в этом официальный Вашингтон ни тогда, ни позже не испытывал. Вместо этого России наряду с другими посткоммунистическими странами было предложено лишь партнерство в формате рыхлого Совета североатлантического сотрудничества (1991 год), затем преобразованного в Совет евроатлантического партнерства, и, наконец, в рамках Партнерства ради мира (1994 год). Все эти форматы предполагали консультативный характер взаимоотношений.

Помимо отсутствия острой необходимости в интеграции РФ на Западе с самого начала испытывали серьезные сомнения в отношении способности самой России стать частью Запада. Политическая ситуация в стране долгое время оставалась нестабильной. Демократические силы были явно слабы, реформаторы отчаянно нуждались в поддержке. Институты повсеместно отсутствовали, общественный порядок был нарушен, криминалитет прорывался к власти. Существовал немалый потенциал коммунистического и имперского реванша. Открытой оставалась перспектива гражданской войны. Наконец, огромные размеры и колоссальная неоднородность страны делали российский «посткоммунистический транзит» крайне сложным делом.

Главным в отношении Запада к России в начале 1990-х годов был вывод о том, что страна прошла пик своего влияния и перестала быть угрозой для собственных соседей и США. Российская проблема из проблемы избытка силы и ее экспансии трансформировалась в проблему российской слабости и возможной имплозии. Мрачные ожидания находились в спектре между многомиллионными потоками беженцев, готовыми хлынуть в Европу, и расползанием ядерного оружия и материалов. «Вкладываться» в Россию, разделять ответственность за ее будущее никто не желал. Возможность полноформатной интеграции РФ в западные институты, существовавшая в 1992 году, была вскоре упущена²⁵.

Шок и оцепенение, последовавшие за распадом СССР, прошли сравнительно быстро. Российский политический класс стал вновь обращаться к идее самостоятельной великой державы. Уже в 1992 году возникла дискуссия о собственных национальных интересах России, которая стала быстро набирать обороты.

«Общечеловеческие интересы», которыми при Горбачеве официально определялась политика «нового мышления», оказались на поверку интересами Запада. США остались единственной сверхдержавой, Германия объединилась, блок НАТО сохранился, а СССР распался. Первая постсоветская идеология единства интересов демократических стран при руководящей и направляющей роли США стала уступать место реальной политике.

В этой политике для РФ было много неприятного: жесткие требования реформ и долговременная, вплоть до дефолта 1998 года, зависимость от траншей МВФ, открыто пренебрежительное отношение к российским лидерам со стороны партнеров²⁶, существенные расхождения по ситуации на постсоветском пространстве и на Балканах. Наиболее серьезным шагом, однако, стало решение США о расширении НАТО на Восток, принятое в 1993 году и реализованное в 1999 году.

То, чего добивались Ельцин и Козырев для России – интеграция в институты расширенного Запада, – стало реальностью только для бывших восточноевропейских вассалов СССР. Это обстоятельство в корне меняло отношения РФ и Запада: вместо желаемого становления единого союза демократических государств, включая Россию, на практике произошло рас-

²⁵ Thatcher. Statecraft. Strategies for a Changing World. N. Y.: HarperCollins, 2003, p. 82.

²⁶ См., напр.: Струоб Тэлботт. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М.: Городец, 2003.

ширение (но без России) старого альянса, созданного для противостояния советской угрозе и не распущенного после самоликвидации этой угрозы. В Москве стали задумываться о причинах и целях такого шага.

Фактически речь шла о расширении геополитического пространства Запада и о перестраховке на случай «рецидива российского империализма», о котором тоже стали говорить уже в 1992 году, с началом российских миротворческих операций на постсоветском пространстве и особенно с началом чеченской войны в 1994 году²⁷. Россия, таким образом, не только оказывалась по-прежнему на внешнем контуре системы обороны Запада, но и теряла нейтральный и фактически демилитаризованный стратегический буфер между Одером и Бугом, который, казалось, был гарантирован Горбачеву в 1990 году в обмен на согласие с объединением Германии и вывод советских войск из ГДР и других стран Восточной Европы.

Наиболее серьезным результатом расширения НАТО стала утрата доверия Москвы к новым партнерам. Не столь важно, что заверения лидеров Запада не продвигать НАТО на Восток, на которые впоследствии ссылались в Москве, были с самого начала неконкретными и расплывчатыми. Эти обещания действительно давались в контексте германского объединения и, строго говоря, относились к бывшей ГДР. Верно, что они делались в период, когда еще формально существовала Организация Варшавского договора и пока не было речи о переходе Польши или других союзных СССР стран в НАТО. Конечно, они давались руководителям Советского Союза – государства, которое перестало существовать в 1991 году. И, разумеется, они были устными и предельно общими. С точки зрения западных лидеров, речь могла идти о намерениях, но никак не об обязательствах. У Москвы, по их мнению, не было никаких легальных оснований несколько лет спустя обвинять Запад в нарушении соглашения о нерасширении НАТО, поскольку такого соглашения попросту не существовало.

Но именно в этом и заключалась самая большая проблема. Юридически обязывающего документа не было, но участники переговоров, в ходе которых советской стороне выдавались неопределенные устные обещания, были живы. Горбачев поверил Бушу и канцлеру ФРГ Гельмуту Колю на слово, не добился письменного закрепления обещаний, которые ему давались, и вынужден был признаться, что его провели²⁸. Российское общественное мнение пришло к более жесткому выводу: Запад лицемерил и в конце концов обманул, Горбачев был попросту одурачен. Так упор западных элит на легализм столкнулся с российским представлением о правде. В результате доверие между новыми партнерами дало трещину.

Расширение НАТО стало первым серьезным ударом по новым отношениям. На Западе, в свою очередь, негативную реакцию России на расширение НАТО расценили как подтверждение «наивности» идеи превратить РФ в «стратегического партнера» и одновременно как свидетельство наличия у Москвы остаточных имперских комплексов. Логика была вывернутой наизнанку, но простой: если Россия противится вступлению бывших сателлитов СССР в союз демократических государств (НАТО), то это означает, что она сама вынашивает замыслы о восстановлении своей сферы влияния.

С точки зрения западных реалистов, логика баланса сил и в 1990-е годы предполагала продолжение соперничества с Россией и в Европе, и в Азии, но уже с позиции явно превосходящей силы Запада. Возражения Москвы по поводу расширения НАТО стали свидетельством того, что «у России не было ни желания, ни возможностей для того, чтобы вступить в глобальное партнерство с США», – как сделала вывод бывший британский премьер-министр Маргарет Тэтчер²⁹. Глобальное партнерство, согласно такой логике, означало следование

²⁷ Г. Киссинджер говорил о возможности «реимпериализации» России. См.: Henry Kissinger. *Diplomacy*. 1994.

²⁸ Михаил Горбачев: «Расширение НАТО на Восток разрушило европейскую систему безопасности». Интервью *Der Spiegel*, 12 января 2015 года. www.inopressa.ru/article/12jan2015/spiegel/gorbatschow1.html Горбачев – о расширении НАТО.

²⁹ Thatcher. *Op. cit.*, p. 89.

в русле внешней политики Вашингтона, подобно «особым» англо-американским отношениям, закрепившим после Второй мировой войны международный статус Великобритании как младшего союзника США.

В результате вместо интеграции в общую систему безопасности Россия и НАТО после долгих переговоров в 1997 году подписали соглашение фактически о мерах доверия в ходе расширения НАТО на Восток. НАТО пополнился новыми членами³⁰, но западные страны обязались учесть российские интересы безопасности и не размещать на территории новых членов альянса ядерное оружие или крупные военные контингенты. Был создан еще один консультативный орган – Совместный постоянный совет Россия – НАТО. Соглашение 1997 года ограничило ущерб российско-западным отношениям, но не устранило его.

Вторым мощным ударом по доверию России к Западу стала воздушная война НАТО против Югославии в ходе Косовского кризиса (1999 год). Дело было не столько в особых исторических связях между русскими и сербами – за предыдущие полвека они существенно ослабли. Более важным для россиян снова стал вопрос о справедливости действий Запада.

С точки зрения российского руководства 1990-х годов и большинства населения, ответственность за новые балканские войны ложилась на лидеров всех основных групп – сербов и хорватов, боснийцев и косоваров. Страны Запада, напротив, однозначно возлагали главную вину за кровопролитие на сербов, помогая при этом хорватам, боснийским мусульманам и косовским албанцам и прощая им многие прегрешения. 78-дневная (март – июнь 1999 года) воздушная война сил НАТО против Сербии и Черногории стала настоящим потрясением для сторонников западной интеграции России.

Потрясение было исключительно сильным. Во-первых, операция НАТО против Югославии стала первой войной в Европе после 1945 года. Западная авиация бомбила Белград – столицу европейской страны. Во-вторых, эта война была противоправной, начатой в обход Совета Безопасности ООН, где Россия обладала правом вето и была готова заблокировать военную интервенцию Запада. В-третьих, в оправдание своих действий Запад выступил с новаторской концепцией «гуманитарных интервенций», позволявшей «международному сообществу», т. е. коллективному Западу, произвольно и силовым путем вмешиваться в конфликтные ситуации во всем мире. Посткоммунистическая Россия, только что присягнувшая на верность традиционному международному праву и осудившая силовые акции СССР в Восточной Европе и Афганистане, была ошеломлена.

Результатом был демарш премьер-министра России Евгения Примакова в марте 1999 года, когда с началом натовских бомбардировок Югославии он развернул свой самолет, летевший в США, над Атлантикой и вернулся в Москву. Полноценная российская военная доктрина, принятая в 2000 году взамен «Основных положений» 1993 года, вновь стала рассматривать действия НАТО как опасность. Прежде чем уйти в отставку, Борис Ельцин в ноябре 1999 года посоветовал президенту США Биллу Клинтону «ни на минуту, ни на секунду» не забывать о ядерном арсенале РФ. Девяностые годы заканчивались глубоким разочарованием российского руководства и большинства общества в Западе как партнере.

К этому времени, однако, многие и в США были готовы «списать Россию» со счетов. Дефолт 1998 г. был почти повсеместно воспринят там как «крах российского посткоммунистического транзита». Россия, казалось, стояла на грани нового и уже окончательного распада, превращения в несостоявшееся государство, failed state. США «отплывали» от России, готовые запастись «стратегическим терпением»³¹ и смотреть вперед – и в другую сторону. Разговоры о «мире без России» стали в этот период почти общим местом.

³⁰ В состав НАТО в 1999 году официально вошли Польша, Чехия и Венгрия.

³¹ Термин Збигнева Бжезинского.

В Европе, напротив, стала приобретать популярность противоположная точка зрения: «Россия имеет значение»³². Элиты Германии, Франции и даже Великобритании пришли к заключению, что Россия была и останется великой державой и с ней европейцам так или иначе придется жить бок о бок. При этом Берлин и Париж делали ставку на вовлечение РФ в разностороннее сотрудничество континентальных европейских держав, а Лондон – на защиту коллективных интересов Запада, включая США, прежде всего в области безопасности³³.

В самой же Москве с середины 1990-х годов, после того как на смену Козыреву пришел Примаков, партнерство с Западом воспринимали все больше как сотрудничество, а не следование в фарватере западной политики. Если в боснийском кризисе 1992–1995 годов и на конференции в Дейтоне в 1995 году РФ присутствовала больше как статист, то в косовской ситуации 1998–1999 годов Москва уже пыталась вести собственную игру.

Результатом самостоятельной политики РФ едва не стало первое после окончания холодной войны боевое столкновение российских и натовских войск в районе косовского аэропорта Слатина. Американский главнокомандующий НАТО генерал Уэсли Кларк был готов силой воспрепятствовать несанкционированному Западом маршу российских десантников из Боснии в Косово и занятию ими этого аэропорта. Лишь благоразумие британского подчиненного Кларка генерала Майкла Джексона, поддержанного премьер-министром Великобритании Тони Блэром³⁴, позволило избежать опаснейшего инцидента всего через десять лет после падения Берлинской стены.

Итак, «раунд Ельцина», начавшийся с надежды окончательно закрыть историю российско-западного противостояния, закончился символическими жестами, указывавшими на потенциал восстановления этого противостояния.

³² Thatcher. Op. cit., p. 71.

³³ Ibidem.

³⁴ Tony Blair. A Journey. N. Y.: Knopf, 2010.

«Раунд Путина»

Неудача Ельцина на западном направлении не обескуражила его преемника Владимира Путина. Придя в Кремль, Путин сразу же попытался достичь взаимопонимания и сближения с Западом. В начале 2000 года, еще будучи исполняющим обязанности президента РФ, Путин пригласил в Москву генерального секретаря НАТО лорда Джорджа Робертсона. Восстановив, таким образом, отношения с альянсом, Путин в том же 2000 году сделал куда более важный шаг – неофициально, но в личной и прямой форме поднимая вопрос о членстве РФ в НАТО.

Параллельно, еще до 11 сентября 2001 года, Путин предпринял усилия для сближения с США. Он не только постарался установить рабочие и личные отношения с президентом Джорджем Бушем-младшим, но и «сбросил» сохранявшиеся остатки советского геополитического наследия – военно-морскую базу Камрань во Вьетнаме и разведывательно-технический комплекс в Лурдесе на Кубе. Последнее было явным дружественным жестом в адрес Вашингтона. В США этот жест расценили как неспособность Москвы поддерживать остатки советской инфраструктуры и желание сократить расходы.

Одиннадцатого сентября 2001 года, после терактов «Аль-Каиды» в Нью-Йорке и Вашингтоне, Путин не только выразил солидарность с американским народом, но пошел на фактический военно-политический союз с США. Так, он распорядился предоставить США любую помощь – военную, политическую, разведывательную – в ходе подготовки и проведения операции против «Аль-Каиды» и «Талибана» в Афганистане. Более того, в новых условиях Путин проявил готовность «вывести за скобки» американское военное присутствие в Центральной Азии и Закавказье, серьезно беспокоившее российские верхи.

Особенно важным было решение Путина оставить без последствий решение Буша выйти в 2002 году из Договора по ПРО, который Москва в течение тридцати лет рассматривала как оплот стратегической стабильности. Это спокойствие было основано, по-видимому, на сохранявшемся у Путина в конце 2001-го – начале 2002 года расчете на то, что динамика сближения с США создаст условия для российско-американского стратегического сотрудничества, в том числе и в области противоракетной обороны.

Даже в разгар стараний Путина выстроить новые отношения с США и Европейским союзом атлантические круги, тем не менее, скептически относились к перспективам интеграции России в западную систему. В вышедшей в 2002 году книге бывшего британского премьер-министра Маргарет Тэтчер говорилось о том, что Россия – далеко еще не «нормальная страна», у нее масса проблем; но, даже когда и если Россия решит свои проблемы, ее «евро-азиатская, западно-восточная идентичность» останется неизменной и, что самое главное, «Россия никогда добровольно не признает американского доминирования». Следовательно, если принять РФ в НАТО, то она будет заниматься обструкцией политики США изнутри альянса, вербовать – и находить там – союзников³⁵.

В итоге новая попытка Кремля «задружиться с Америкой» оказалась неудачной – как из-за сформулированных Тэтчер сомнений, так и из-за общей низкой приоритетности отношений с Россией для администрации Буша. С осени 2001 года Белый дом сосредоточился на подготовке к вторжению в Ирак, которое состоялось в марте 2003 года. В этих условиях визит Буша в Москву в 2002 году не открыл новую эпоху двустороннего сотрудничества. Уже вскоре несогласие РФ (вместе с Германией и Францией) с действиями США в отношении Ирака стало видимой трещиной в новом партнерстве. Осенью 2003 года «дело ЮКОСа»

³⁵ Thatcher. Statecraft, p. 109.

и арест Михаила Ходорковского спровоцировали широкую политико-медийную кампанию в США лично против Путина.

С другой стороны, стойкое нежелание Вашингтона признать действия Москвы в Чечне в качестве части борьбы с международным терроризмом, контакты американских официальных лиц с чеченскими сепаратистами и предоставление некоторым из их лидеров³⁶ убежища в США и Европе дали Путину основания в его т. н. бесланской речи (сентябрь 2004 года) бросить обвинения в адрес тех, кто «стоит за террористами» и стремится расчлнить Россию. Имелись в виду, разумеется, США. К этому времени Россия уже стала «сходить с политической орбиты Запада»³⁷ и выходить в свободное плавание.

Российское руководство еще сравнительно спокойно восприняло вторую волну расширения НАТО, в результате которой в 2004 году членами альянса стали Латвия, Литва и Эстония. Страны Прибалтики давно рассматривались в России как «чужие», естественно тяготеющие к Западу.

Напротив, «оранжевая революция» на Украине на рубеже 2004 и 2005 годов и подобные ей «цветные революции» в Грузии (ноябрь 2003 года) и Киргизии (июнь 2005 года) создали в Кремле убеждение о масштабном «политическом вторжении» США на постсоветское пространство, которое оставалось сферой особых интересов России. По мнению Москвы, такие действия как минимум вели к вытеснению российского влияния из СНГ, а как максимум – виделись репетицией «смены режима» в Москве³⁸. На Западе, напротив, российские протесты, как и в случае с расширением НАТО, воспринимались как свидетельство стремления Кремля удерживать бывшие советские республики в своей геополитической орбите.

Пространство СНГ становилось основным камнем преткновения в российско-американских отношениях. В мае 2006 года, выступая с ежегодным посланием Федеральному собранию, президент Путин высказался о распаде СССР как о «крупнейшей геополитической катастрофе»³⁹. Это высказывание было воспринято на Западе как официальное провозглашение Кремлем курса на восстановление российского «центра силы» в Евразии. В том же году убийство журналистки Анны Политковской и бывшего агента спецслужб Александра Литвиненко стало поводом для начала откровенной демонизации Путина в западных СМИ.

Отношения с Европейским союзом в этот период внешне развивались успешнее, чем с США. Речь, которую Путин произнес в германском бундестаге 25 сентября 2001 года по-немецки, стала своего рода манифестом «европейского выбора» России. Тогдашний канцлер ФРГ Герхард Шредер⁴⁰, как и германские политики до и после него, был убежден, что «без широкого взаимопонимания с Россией стабильный мирный порядок на нашем континенте немислим»⁴¹. Путин, однако, шел дальше. По его мнению, Европа сможет закрепить свое призвание мощного и самостоятельного центра мировой политики только при условии соединения своих возможностей с человеческими, территориальными и природными ресурсами России, а также ее экономическим, культурным и оборонным потенциалом⁴². Эти слова были встречены в бундестаге аплодисментами.

Шредер, в отличие от Тэтчер, сделал вывод, что «Путин рассуждает по-западному»; что он «хочет восстановить значение России», но при этом «видит Россию как часть

³⁶ Например, Ильясу Ахмадову, «министру иностранных дел Ичкерии».

³⁷ Dmitri Trenin. *Russia Leaves the West*. Foreign Affairs, July-August 2004.

³⁸ Интервью Д. А. Медведева журналу «Эксперт», 2005 год.

³⁹ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию РФ. 2006 год.

⁴⁰ Г. Шредер занимал пост федерального канцлера ФРГ с 1998 по 2005 год.

⁴¹ Gerhard Schröder. *Entscheidungen. Mein Leben in der Politik*. München: Hoffmann und Campe, 2006, S. 456.

⁴² Gerhard Schröder. *Ibidem*.

Европы»⁴³. Аналогичной позиции придерживался тогдашний президент Франции Жак Ширак⁴⁴. Спустя два с половиной года совместная оппозиция Германии, России и Франции американскому вторжению в Ирак стала символом единства России и ведущих стран Европы по важнейшему стратегическому вопросу.

Лидеры континентальной европейской «тройки» – Германии, России и Франции – собирались отдельно еще с конца 1990-х годов для содействия европейской интеграции России. Москва очевидно чувствовала себя гораздо свободнее и комфортнее в компании с Берлином и Парижем, чем с Вашингтоном. В то же время такое единство бросало вызов не только мировому доминированию США, но и американскому лидерству внутри расширившегося Запада. Предупреждения Тэтчер о «раскольнической роли» России, казалось, стали сбываться.

Развитие отношений России с Евросоюзом в целом было менее активным, чем с Германией и Францией. Несмотря на амбиции председателя Европейской комиссии Романо Проди, заявившего, что у ЕС и РФ может быть «все общее, кроме институтов», т. е. за исключением формального членства России в ЕС, которое радикально изменило бы баланс сил в объединенной Европе, и согласование на этой основе к 2005 году «общих пространств» российско-европейского сближения в сфере экономики, гуманитарной сферы, безопасности и культуры, эти отношения начали буксовать.

Формальным поводом стала Польша – основной союзник США в Восточной Европе. Консервативное правительство в Варшаве принялось проводить жесткий курс по отношению к Москве, а также к Берлину. Частные вопросы российско-польских отношений, такие как «польское мясо», а также другие сравнительно мелкие темы, такие как, например, плата за транссибирские перелеты европейских компаний, затормозили процесс сближения России и ЕС.

Вскоре на волне, поднятой «делом ЮКОСа», убийствами Политковской и Литвиненко, в центр дискуссии на темы российско-европейских отношений вступили темы ценностей. Уверения Шредера, что Путин «явно желает интегрироваться сам и интегрировать свою страну в западное сообщество ценностей»⁴⁵, что он «чистый демократ», встретили яростную критику со стороны тех, кто видел в политике Кремля главным образом отход от демократических принципов в сторону все более усиливавшегося авторитаризма. Уход в 2005–2007 годах «друзей Путина» Шредера и Ширака, а также Проди из большой политики почти не оставил в Евросоюзе лидеров, настроенных на тесное взаимодействие с реально существующей Россией.

В обстановке усиливавшейся критики России на Западе Путин, начавший свое правление с надежд на союз с США и интеграцию с ЕС, попытался вывести партнеров на открытый разговор. Его выступление на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 года было попыткой «объясниться начистоту» прежде всего с США, с предъявлением им условий взаимодействия с Россией⁴⁶. Коротко говоря, такими условиями были суверенное равенство, невмешательство во внутренние дела и обоюдный интерес как основа сотрудничества. Американская и европейская общественность, не ожидавшая столь откровенной и публичной критики российским президентом самих основ внешней политики США, восприняла речь Путина как объявление Западу холодной войны.

На этом фоне администрация США предприняла усилия по ускорению процесса вступления Украины и Грузии в НАТО. В начале 2008 года Киев, с подачи Вашингтона и неожи-

⁴³ Schröder, Op. cit., S. 457.

⁴⁴ Ж. Ширак являлся президентом Франции с 1995 по 2007 год.

⁴⁵ Schröder, Op. cit., S. 459.

⁴⁶ Владимир Путин. Выступление на Мюнхенской конференции по безопасности. Февраль 2007 года.

данно для многих в Европе, направил странам альянса просьбу о предоставлении Украине т. н. «дорожной карты» – плана действий по подготовке к членству в НАТО.

Это была красная черта. С точки зрения Москвы, присоединение Украины к НАТО нанесло бы неприемлемый ущерб безопасности России. Прибыв на саммит НАТО в Бухарест, Путин попытался объяснить, что попытка включить Украину в альянс приведет к расколу этой страны. Его аргументы поняли в том смысле, что Россия не считает Украину полноценным государством и будет раскалывать ее на части, чтобы не допустить «ухода» Украины из российской сферы влияния.

Германия и Франция осознали надвигающуюся опасность. В Бухаресте они заблокировали решение по «плану действий» для Украины и Грузии. В то же время они вынуждены были одобрить компромисс, в соответствии с которым НАТО обещало Киеву и Тбилиси членство в неопределенной перспективе. Это решение подвигло президента Грузии Михаила Саакашвили – фаворита неоконсервативного крыла администрации Дж. Буша – попытаться силой восстановить территориальную целостность Грузии, чтобы устранить формальные препятствия на пути вступления в альянс. Результатом стала «пятидневная война» с Россией. Это, однако, было уже формально за рамками «раунда Путина».

Итак, Путин, начавший свое президентство с выражения готовности привести Россию в НАТО, оказался перед перспективой присоединения к НАТО Украины и Грузии. Для последней это означало войну с Россией. Запад в этот период был озабочен главным образом ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке, где осуществленные администрацией Буша военные интервенции в Ираке и Афганистане не достигли заявленных целей и лишь обострили ситуацию, сделав ее неуправляемой. Внешняя политика Буша была признана в США провальной. Требовалась генеральная коррекция курса, которая могла иметь последствия для отношений с Москвой.

«Раунд Медведева»

Выбор Путиным Дмитрия Медведева в качестве преемника на посту президента РФ на выборах 2008 года отражал помимо других факторов стремление Путина расширить базу поддержки власти за счет более современных и перспективных групп населения – не столько либеральной интеллигенции, сколько «новых городских слоев» в России, а также, что не менее важно, создать условия для улучшения отношений со странами Запада.

Первой дипломатической инициативой Медведева стал проект договора о европейской безопасности (июнь 2008 года), но первым его реальным «делом» стала августовская война с Грузией в ответ на действия Тбилиси в Южной Осетии, в результате которых погибли российские миротворцы. Правительство президента Михаила Саакашвили, стремившееся присоединить Грузию к НАТО, пользовалось поддержкой администрации Буша и благосклонным отношением со стороны ведущих западных СМИ.

Война длилась всего пять дней. Отбросив грузинские войска из Южной Осетии и выйдя за границы мятежной автономии, но оставив Саакашвили у власти и приняв скорее символическое посредничество президента Франции Николя Саркози, Москва продемонстрировала одновременно решительность и умеренность. Российские войска не вошли в Тбилиси, но Москва заявила о готовности защищать свою «сферу привилегированных интересов». Красная линия, за которой возможное расширение НАТО становилось поводом для столкновения с Россией, была проведена по границам стран СНГ.

Новая холодная война в 2008 году, однако, так и не успела начаться. Разразившийся в середине сентября того же года глобальный финансовый кризис переключил внимание мировых лидеров на экономику. Победа Барака Обамы на выборах президента США в ноябре и глубокая ревизия внешнеполитического наследия республиканцев создали условия для «перезагрузки» отношений Вашингтона и Москвы.

Президент Обама не ставил отношения с Россией в центр своей международной повестки дня, но обратил на них внимание как на потенциальный внешнеполитический резерв. Улучшение отношений с РФ было призвано доставить Вашингтону дополнительные ресурсы для достижения целей на действительно приоритетных для демократической администрации направлениях – иракском, афганском и иранском. Грузинский сюжет был «выведен за скобки» обновлявшихся американо-российских отношений. Уже позже, в условиях отсутствия успехов по центральным вопросам внешней политики США, российское направление – изначально служебное – выдвинулось на первый план, породив ожидания нового российско-американского сближения.

Путин, остававшийся и на премьерском посту самым влиятельным деятелем России, дал президенту Медведеву карт-бланш на установление со странами развитого Запада «партнерств в области модернизации». Эти партнерства должны были предоставить российской экономической модернизации мощный внешний ресурс. Одновременно Путин рассматривал возможность укрепления национальной безопасности России посредством взаимодействия с США в области сокращения стратегических наступательных вооружений (СНВ) и особенно в области сотрудничества в сфере противоракетной обороны (ПРО).

«Перезагрузка» принесла плоды. Весной 2010 года РФ и США заключили новый договор по СНВ, а осенью того же года Москва предложила странам НАТО создать в рамках стратегического партнерства «единый периметр противоракетной обороны», что фактически было эквивалентно оборонительному военному союзу без обременительных формальностей и, главное, иерархических линий.

Россия предложила США и НАТО транзитный маршрут для военных грузов, направляемых в Афганистан, через свою территорию. На пике использования этого маршрута по

нему проходило около половины всех грузов западной военной коалиции. В Ульяновске был построен перевалочный пункт для транспортов, который получил название «базы НАТО», пусть и неточное. Объект для использования западными вооруженными силами был создан в России впервые после окончания Великой Отечественной войны.

Одновременно Путин предложил немецкому бизнесу идею «Большой Европы» как единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока⁴⁷. Весной 2011 года Россия даже продемонстрировала готовность уступить Западу в некритических для себя регионах (Ливия), но на определенных условиях (уважение роли Совета Безопасности ООН и решающей роли России в Совбезе).

На Западе новая попытка российско-западной «стыковки» вызвала неоднозначную реакцию. В Германии сближение поддерживали немецкие социал-демократы (Франк-Вальтер Штайнмайер) и некоторые консерваторы (бывший министр обороны Фолькер Рюэ). В США, напротив, скорее преобладали скептики. Збигнев Бжезинский назвал попытку немцев «одним махом» добиться согласия с Россией «зablуждением». Вступление России – авторитарной, коррумпированной, одержимой военной секретностью, – по его словам, «будет просто означать конец НАТО как интегрированного союза демократических государств». Попытка немецкого бизнеса добиться более близких отношений с Россией на путях экономического сотрудничества также представлялась Бжезинскому обреченной на неудачу: без «общих ценностей», отмечал он, не может быть «прочных отношений»⁴⁸.

Сам Бжезинский, впрочем, отстаивал вариант, при котором Евросоюз при поддержке и руководстве со стороны США интегрировал бы Россию и Турцию в некое общее пространство сотрудничества. Стратегический замысел заключался в том, чтобы ЕС посредством развития экономических связей с Россией и Турцией привязал к себе Москву и Анкару также и политически. Это, в свою очередь, существенно укрепило бы позиции Запада в конкуренции с Китаем и другими незападными игроками⁴⁹. От России при этом требовались бы не только демократизация политической системы и соответствующая «смена ценностей», но и фактическое подчинение коллективной воле Запада во главе с США.

Взаимное разочарование наступило очень быстро. Действия НАТО в Ливии – военная поддержка повстанцев и свержение режима Муаммара Каддафи – вышли далеко за пределы гуманитарного мандата, выданного Советом Безопасности ООН⁵⁰. В Москве возникло убеждение, что Запад в очередной раз «использовал» и «обманул» Россию. Действия США в ходе начавшейся в конце 2010 года «арабской весны»⁵¹ породили у российских аналитиков сомнения в адекватности политики вашингтонской администрации на Ближнем и Среднем Востоке. Важнейшей причиной неудачи «раунда Медведева», однако, стал отказ администрации США от создания общей системы ПРО НАТО – РФ. Известно, что для Путина отрицательный результат – «тоже результат». Он сделал свои выводы. Российская система обороны стала корректироваться с учетом создания потенциально враждебной системы ПРО НАТО.

⁴⁷ Путин В. Статья в «Зюддойче цайтунг», 25 ноября 2010 года.

⁴⁸ Zbigniew Brzezinski. *Strategic Vision, America and the Crisis of Global Power*. N. Y.: Basic Books, 2013, p. 146.

⁴⁹ Zbigniew Brzezinski. *Ibidem*, p. 149.

⁵⁰ Представитель РФ при голосовании воздержался, что позволило Совету принять резолюцию о бесполетной зоне над Ливией, обеспечение которой взяли на себя страны НАТО.

⁵¹ Речь идет помимо событий в Ливии о моральной поддержке американской общественностью массовых выступлений против авторитарных режимов в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии и Йемене, о готовности Вашингтона отказаться от поддержки традиционных союзников (например, президента Египта Х. Мубарака) и попытках сотрудничества с «братьями-мусульманами» и другими исламистами, а также о военной помощи вооруженной оппозиции в гражданской войне в Сирии.

Дополнительным раздражителем для Путина стало очевидное желание лидеров США, Германии и других стран Запада продолжать иметь дело с Медведевым как с более приемлемым для них лидером России. На Путина могло произвести впечатление то, что в середине 2011 года канцлер ФРГ Ангела Меркель публично назвала Медведева «своим кандидатом» на российских выборах. С точки зрения Путина, это уже могло походить на вмешательство во внутрироссийские властные отношения.

На пути к кризису: снова Путин, а также Сирия и Сноуден

Оценка Путиным внешнеполитических итогов «раунда Медведева» стала, вероятно, одним из факторов при принятии им решения пойти на выборы 2012 года. Реакция Запада на это его решение вряд ли удивила Путина и лишь укрепила, вероятно, его убеждение в правильности своего выбора. За московскими протестами новых городских слоев в промежуток между парламентскими и президентскими выборами 2011–2012 годов Путин увидел «руку» Госдепа США⁵². «Заказные», по его убеждению, протесты делали «зачистку» иностранного влияния на российском политическом поле еще более актуальной.

В то же время Путин был готов к возобновлению сотрудничества с Западом – на своих условиях, сформулированных еще в 2007 году в Мюнхене. Равенство с США было возведено в принцип. Отказ Обамы приехать на саммит АТЭС во Владивосток в сентябре 2012 года побудил Путина «симметрично» отказаться от майской поездки на саммит «восьмерки» в американский Кэмп-Дэвид. Саммит НАТО в Чикаго он также «пропустил». Вместо себя он послал на G8 ставшего премьером Дмитрием Медведева. Встретившись с Обамой в июне 2012 года на встрече G20 в Лос-Кабосе (Мексика), Путин предложил президенту США отделить политику от экономики и решать вопросы отдельно.

Реализовать такое разделение не получилось. К весне 2012 года одной из наиболее острых проблем, разделивших РФ и США, стал сирийский кризис. Москва уже не только протестовала против политики США в отношении Сирии, как она делала это в отношении Сербии, Ирака и Ливии, но своими конкретными действиями (поставками вооружений, дипломатической и финансовой поддержкой Дамаска) помешала Вашингтону осуществить свою цель – свержение режима президента Сирии Башара Асада.

Вместо этого Путин в мае 2013 г.⁵³ предложил США «Дейтон на двоих» – формулу сирийского урегулирования при равноправном участии Москвы и Вашингтона. Администрация Обамы, однако, не рассуждала в таких категориях. От Москвы в Белом доме ожидали, что она уговорит Асада уйти или окажет на него нажим с той же целью, а взамен получит от США гарантии учета ее интересов в Сирии при новом правительстве.

Такой подход, однако, был абсолютно безнадежен. Для Кремля сирийский вопрос был прежде всего вопросом о характере миропорядка и роли в нем великих держав и их главного совместного органа глобального управления – Совета Безопасности ООН. Во вторую очередь сирийская проблема воспринималась как часть ситуации на Ближнем Востоке, переживавшем потрясения «арабской весны», которую в Москве, в отличие от западных столиц, с самого начала характеризовали как исламистскую, а не демократическую. И лишь в третью очередь речь шла о конкретных геополитических интересах РФ в регионе. «Купить» Россию обещаниями незначительных уступок было нереально⁵⁴.

В итоге Москва осталась на своих прежних позициях. Российские дипломаты и аналитики трезво оценивали ситуацию в Сирии и на Ближнем Востоке, а Кремль действовал последовательно. Более того, в августе – сентябре 2013 года России даже удалось принудить США к сотрудничеству на своих (равноправных!) условиях в вопросе химического разоружения Сирии. Тогда в ответ на угрозу Обамы нанести удар по Сирии в наказание за недоказанное применение ее армией химического оружия Путин выступил с инициативой вывоза

⁵² Госсекретарь США Х. Клинтон публично осудила нарушения в ходе российских выборов и потребовала их расследования.

⁵³ В ходе визита в Москву государственного секретаря США Дж. Керри.

⁵⁴ Тренин Д. Россия и кризис в Сирии. М.: Моск. центр Карнеги. Февраль 2013 года.

из Сирии всего химического арсенала Дамаска, который сирийцы долгое время рассматривали как средство сдерживания Израиля. Башар Асад согласился, химическое разоружение Сирии состоялось, несмотря на не прекращавшуюся в стране гражданскую войну. То, что своим активным и успешным «химическим» миротворчеством Россия не дала США нанести уже анонсированные авиационные удары по Сирии, было воспринято многими в Вашингтоне как беспрецедентное после окончания холодной войны унижение единственной сверхдержавы.

«Последней каплей» для Белого дома в ревизии политики «перезагрузки» стало дело Эдварда Сноудена. Летом 2013 года Россия оказалась единственной в мире страной, которая приняла у себя беглого американского секретоносителя⁵⁵ и не поддавалась давлению США, предложив Вашингтону подписать соглашение о взаимной выдаче подозреваемых лиц, от чего американская сторона последовательно отказывалась. Обама расценил предоставление Сноудену политического убежища в РФ как личное оскорбление и отменил визит в Москву, что до сих пор в отношениях двух держав случалось лишь единожды, в разгар холодной войны⁵⁶.

Вырисовывалась, казалось, «новая норма» российско-американских отношений. Москва все откровеннее критиковала политику Вашингтона, но при этом проявляла готовность к сотрудничеству там, где интересы РФ и США совпадали, причем на равноправных условиях. Экономические связи могли развиваться без оглядки на политические разногласия. В США, однако, администрация Обамы попадала под все более сильный огонь критики, в том числе по вопросам внешней политики. У Белого дома уже не было желания предлагать второй вариант «перезагрузки». Неустойчивое равновесие российско-американского соперничества и сотрудничества могло бы продлиться какое-то время, но не способно было выдержать серьезного испытания.

События вокруг Украины – лишь развязка глубокого кризиса российского евроатлантического проекта, ставшего очевидным ко второй половине 2000-х годов. Спустя ровно семь лет после мюнхенской речи Путина ситуация на Украине перевела российско-американские и российско-западные отношения в состояние, сравнимое с «холодной войной».

Итак, со второй половины 2000-х годов стали развиваться две противоположные тенденции. Особенно четко они выявились в результате российско-грузинской войны 2008 года. В России обозначилось стремление восстановить элементы влияния в пределах СНГ и провести «красную черту» перед дальнейшим продвижением Запада. С 2009 года интеграционный процесс в СНГ получил наконец мощный импульс из Кремля. В свою очередь, на Западе усилились настроения в пользу мягкого сдерживания Москвы, лишения ее каких бы то ни было надежд на исключительную «сферу влияния». Хиллари Клинтон перед своим уходом с поста государственного секретаря США в начале 2013 года охарактеризовала российские усилия в СНГ как попытку «переиздания Советского Союза».

Со своей стороны, блок НАТО, который в 2007 году принял в свой состав Болгарию и Румынию, утвердившись таким образом на Черном море, продолжал с 2008 года держать двери открытыми для Украины и Грузии. В НАТО не рассматривали внеблоковый статус Украины, закрепленный в законе 2010 года, как оптимальный, считая, что нейтралитет Украины помещает эту страну в «серую зону безопасности» и делает ее «уязвимой перед рос-

⁵⁵ Покинув США, Э. Сноуден объявился в Гонконге и вскоре вылетел оттуда в Москву. Эквадор, Боливия и Венесуэла, пообещавшие было ему убежище, под давлением США взяли свое приглашение обратно, а Куба отказалась принимать самолет «Аэрофлота», если на нем полетит Сноуден. Позднее Франция, Испания и Португалия закрыли свое воздушное пространство для самолета президента Боливии, в котором, как подозревали, мог лететь Сноуден, в результате чего воздушное судно было вынуждено сесть для досмотра в Австрии.

⁵⁶ В 1960 году после того, как над Уралом был сбит американский самолет-разведчик, не состоялся саммит великих держав в Париже и был отменен визит президента США Д. Эйзенхауэра в СССР.

сийским давлением». В то же время администрация Обамы до конца 2013 года не предпринимала никаких активных действий на постсоветском пространстве, уступив инициативу европейцам.

После российско-грузинской войны дальнейшее расширение НАТО на Восток представлялось опасным, и главная роль в обустройстве европейского Востока отводилась Евросоюзу. В 2009 году Польша и Швеция инициировали проект Восточного партнерства Европейского союза, нацеленный на ассоциирование шести бывших советских республик – Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдавии и Украины – с ЕС. Ассоциация была призвана создать для ЕС «зону комфорта» к востоку от своих границ и закрепить проевропейскую ориентацию стран, расположенных между ЕС и Россией.

В 2013–2014 годах обе тенденции, российская и западная, столкнулись друг с другом в самой важной для обеих сторон точке постсоветского пространства – на Украине. На Западе многие руководствовались известной максимой о том, что без Украины Россия не сможет вновь стать империей, а в Москве были убеждены, что без Украины Евразийскому союзу не будет доставать критической массы. В России готовились играть «в долгую» и предлагали Евросоюзу компромиссы по поводу экономических отношений ЕС – Украина, но в Брюсселе такие переговоры с третьими странами отвергали в принципе. Дипломатия оказалась невостребованной, и дальнейший ход событий определялся динамикой противостояния в Киеве в ее открытой и скрытой от внешних наблюдателей частях.

Явная неспособность Евросоюза управлять ситуацией вывела на первый план Соединенные Штаты. В условиях, когда Украина не относилась к числу приоритетов внешней политики Вашингтона, а приоритетность отношений с Россией была сильно понижена, украинское направление оказалось отданным в руки чиновников второго и третьего уровней, получивших возможность творить здесь историю, руководствуясь собственным видением и соображениями.

В Москве выход американцев из тени стал моментом окончательного раскрытия карт. США, посчитали здесь, пересекли «красную линию», подготовив очередную «цветную революцию», спровоцировав кровопролитие и удержав украинскую власть от наведения порядка, а затем заставили Януковича подписать капитуляцию и бежать из Киева. Отстранив незадачливых европейских союзников, США назначили новое правительство в Киеве и, как полагали в Москве, готовились поддержать его не только политически, но и демонстрацией военной силы.

Путин отдал приказ о начале Крымской операции. После этого период попыток евроатлантической интеграции России окончательно стал достоянием истории. Парадоксальным образом одновременно ею стала и евразийская альтернатива западной интеграции.

Почему не состоялась евразийская альтернатива?

Ирония истории заключается в том, что именно Россия – собирательница земель – сыграла решающую роль в роспуске Советского Союза. Отчасти это было связано с политической стратегией руководства РСФСР, боровшегося с союзными властями, отчасти явилось следствием «усталости от имперского бремени», которое выжалось в перераспределении ресурсов от русских областей национальным окраинам и пренебрежении к русскому ядру многонационального государства. Помимо этого было широко распространено представление о том, что, даже став формально независимыми, окраинные провинции будут по-прежнему зависеть от России и тяготеть к ней.

В течение первых десяти-двенадцати лет после роспуска СССР Москва, несмотря на официальные декларации, рассматривала Содружество Независимых Государств (СНГ) как второстепенное внешнеполитическое направление. Функция СНГ, казалось, состояла в том, чтобы быть комфортным внешним окружением РФ. У России не было ни необходимых ресурсов, ни достаточно сильного желания для реальной интеграции новых государств. Лишь с Белоруссией удалось существенно продвинуться, создав вначале (1996) сообщество, а затем (1999) и Союзное государство. Вдобавок к этому Россия реформировала Договор о коллективной безопасности от 1992 года в реальную военную организацию (1999). Идея президента Казахстана Нурсултана Назарбаева о «Евразийском союзе» (1994) надолго повисла в воздухе.

Для новых государств СНГ было также не формой интеграции, а, напротив, формой цивилизованного развода с бывшей метрополией – Москвой. Главной задачей бывших республиканских элит 1990-х годов стало создание и упрочение новой государственности, отстаивание своей независимости (прежде всего в отношениях с Россией). Интеграционная риторика, которая нередко звучала в этот период из уст руководителей новых государств, была предназначена в большей степени для того, чтобы понравиться Москве и в обмен на это получить от РФ реальные уступки, главным образом льготные цены на энергоносители.

Первые попытки подлинной интеграции в Евразии относятся к началу 2000-х годов. В 2003 году Путин выдвинул проект Единого экономического пространства (ЕЭП) РФ, Украины, Казахстана и Белоруссии. Фактически это был проект «обустройства России» в пределах географического контура, очерченного Александром Солженицыным в его известной статье 1990 года⁵⁷. Москву ждало разочарование. Украина при трех президентах – Леониде Кучме, Викторе Ющенко и Викторе Януковиче – проявила заинтересованность лишь в льготном доступе на евразийский рынок, но не в интеграции в единое экономическое пространство. После «оранжевой революции» 2004 года Украина прекратила участие в обсуждении членства в ЕЭП. Оставшаяся «тройка» продолжила работу над проектом без Киева.

Однако и те страны, которые сформировали интеграционное ядро ТС – ЕАЭС, сразу же дали понять, что готовы участвовать лишь в экономическом объединении, но не в геополитическом или геостратегическом проекте. Отвечая на вопрос журналиста о перспективах Белоруссии до 2030 года, президент Александр Лукашенко ответил, что он видит свою страну «государством; независимым государством; государством, не подвластным никому»⁵⁸. Аналогичных взглядов придерживался и президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. В Армении и Киргизии существовали серьезные сомнения относительно целесообразности интеграции с Россией. Все эти ограничения и сомнения совершенно естественны, ведь для

⁵⁷ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? Комсомольская правда, 18 октября 1990 года.

⁵⁸ Беседа президента Белоруссии А. Лукашенко с редакторами ведущих белорусских СМИ. Весна 2014 года.

Армении и Белоруссии, Казахстана и Киргизии независимость – это прежде всего независимость от России.

«Второе дыхание» евразийский интеграционный проект обрел в разгар глобального кризиса. Кризис заставил тогда многих обратить внимание на региональные формы интеграции. В 2009 году Путин, будучи главой правительства, форсировал процесс создания Таможенного союза в составе Белоруссии (9 млн жителей), Казахстана (16 млн) и РФ (142 млн). В 2012 году ТС официально стал Единым экономическим пространством трех стран.

Готовясь к своему третьему президентскому сроку, Владимир Путин, начиная с осени 2011 года, выступил с серией программных статей, в которых евразийская интеграция (не только экономическая, но политическая и военная) была фактически обозначена в качестве главного внешнеполитического проекта России⁵⁹.

С точки зрения Путина и его главного помощника в деле евразийской интеграции Сергея Глазьева, этому проекту требовалась «критическая масса» – единый рынок численностью в 200 млн потребителей. Для решения этой проблемы Москва предприняла новую попытку привлечь Украину (45 млн жителей) к евразийскому проекту. Избрание четвертым президентом Украины в 2010 году Виктора Януковича на смену прозападному политику Виктору Ющенко, казалось, создавало предпосылки для этого.

Янукович немедленно отозвал просьбу о вступлении Украины в НАТО и провел через Верховную раду закон о внеблоковом статусе Украины. Антироссийские тенденции в политике официального Киева были приглушены, русский язык в соответствии с новым законом получил статус регионального в ряде областей Украины. В то же время экономического сближения Украины с Россией при Януковиче не произошло. Киев был готов лишь к сотрудничеству с ТС/ЕЭП, но не к интеграции с РФ и ее партнерами. Движимый семейными и клановыми интересами, четвертый президент Украины собирался маневрировать между Россией и Западом.

С точки зрения Кремля, это была межеумочная позиция. Выступая на Валдайском форуме в сентябре 2013 года, Путин рисовал картину мира, структурированного вокруг крупных цивилизационных проектов, которые одновременно являлись бы геополитическими и геоэкономическими конструкциями. В этой картине «Русский мир» выступал как единый российско-украинско-белорусско-евразийский блок, соприкасавшийся с Евросоюзом на западе, Китаем на востоке и мусульманским Ближним и Средним Востоком на юге. Путин говорил о русских и украинцах как о едином народе⁶⁰.

Москва приложила много усилий для того, чтобы ясно и доходчиво показать Януковичу, что в его интересах и интересах Украины – курс на сближение и интеграцию с Россией и ее партнерами по Таможенному союзу и Единому экономическому пространству. Украине тем самым был бы фактически гарантирован огромный рынок почти в границах бывшего СССР. В рамках Евразийского союза Украина заняла бы самое важное положение после России. Москва также была готова помочь Украине решить ее сложные финансовые, экономические и социальные проблемы. С 2012 года Путин, для которого приоритетность евразийской интеграции стала безусловной, был готов создать российско-украинский союз на самых выгодных для Киева условиях.

Одновременно Европейский союз вел дело к оформлению первых результатов «Восточного партнерства» – соглашений об ассоциации с партнерами, а также договоренностей о свободной торговле с ними. Речь шла о сравнительно скромных проектах, открывавших, однако, путь к включению ассоциированных стран в западное сообщество. Проект «Восточного партнерства», таким образом, являлся прямым конкурентом интеграционных

⁵⁹ Статьи Путина 2011–2012 гг., начиная со статьи в «Известиях» в октябре 2011 года.

⁶⁰ В. В. Путин. Выступление на Валдайском форуме. Сентябрь 2013 года.

планов РФ. Кроме того, он отражался на давно сложившихся экономических отношениях Украины и России, между которыми с 1990-х годов действовал режим свободной торговли в рамках СНГ.

Москва в этой ситуации предпочла проявить гибкость. Ее предложения о трехсторонних переговорах с участием ЕС и Украины о будущих торгово-экономических отношениях между ними были, однако, отвергнуты Брюсселем как неприемлемое вмешательство в компетенцию двух участников – Украины и самого ЕС. Это был принципиальный момент. В Европе, как и в США, отказывались признавать какое-либо право России на обсуждение характера и форм отношений между бывшими советскими республиками и странами Запада. Киев по привычке маневрировал между Брюсселем и Москвой, не обозначая своих долгосрочных приоритетов.

В ответ Москва решила продемонстрировать Киеву, какие последствия имело бы принятие Украиной европейских условий без согласования с Россией. Вслед за «пряником» заманчивых предложений в плане интеграции РФ продемонстрировала Украине «кнут» таможенных и иных экономических ограничений. Киев, со своей стороны, решился на рискованный маневр.

В конце осени 2013 года президент Янукович отложил подписание соглашения об ассоциации с ЕС. Результатом стали уличные протесты со стороны тех, кто связывал европейский выбор Украины с надеждой обуздать коррупцию и обеспечить гражданам страны достойную жизнь. Милиция попыталась разогнать Майдан, но безуспешно. Казалось, Янукович ставил себя в положение, из которого был только один выход – согласие на интеграцию с Россией. В декабре 2013 года украинский президент договорился о кредите со стороны РФ на сумму 15 млрд долларов.

Тем временем киевский Майдан из преимущественно проевропейского превратился в националистический и отчасти антироссийский. Он также перестал быть мирным. В Москве ожидали, что Янукович наконец применит силу для восстановления конституционного порядка, и были готовы при необходимости поддержать его. Еще в феврале 2014 года президент Украины оставался самым популярным политиком в стране. Тем не менее Янукович решился на отчаянный шаг. Пытаясь обеспечить свое личное выживание под гарантии, как ему казалось, США и ЕС, он отступил перед оппозицией, подписал отложенную капитуляцию перед своими политическими противниками, а затем, увидев, что гарантии Запада были лишь плодом его воображения, бежал из столицы, а затем и из страны, оставив Украину в руках лидеров нового Майдана.

Главная причина поражения политики Москвы на Украине была не в том, что Запад стремился не дать Украине вновь соединиться с Россией. Действительно, США и страны ЕС стремились не допустить вхождения Украины в интеграционный проект с РФ, опасаясь «чрезмерного» усиления России, даже «восстановления Советского Союза» в новом облике⁶¹. И Запад, конечно, предлагал Украине альтернативы сближению с Москвой – перспективу ассоциации с ЕС и эвентуального членства в НАТО.

Решающим фактором, однако, было не противодействие Запада, а нежелание самих украинских элит – не только националистических галицийских или прозападных киевских, но и олигархических восточных – включаться в строительство «новой Евразии» вместе с Россией. Сознательно или подсознательно, эти элиты видели в таком общем деле угрозу для самостоятельного «украинского национального проекта». Коротко говоря, если бы Украина

⁶¹ См., например, высказывания Х. Клинтон, в тот момент государственного секретаря США, на рубеже 2012–2013 годов. В то время как наиболее радикальные круги в США не отказались от попыток включить Украину в военно-политическую систему Запада через членство в НАТО, более умеренные голоса (М. Тэтчер в начале 2000-х, З. Бжезинский накануне украинского кризиса) предлагали сделать из Украины нейтральный буфер между Россией и НАТО.

вновь тесно сблизилась с Россией, она неизбежно превратилась бы в Малороссию, став важной частью «Русского мира», но утратив при этом дорогую для элит самостоятельность.

Отсюда – почти инстинктивное желание во что бы то ни стало как минимум дистанцироваться от России, подчеркивать не общее между двумя народами, а особенности, различия и т. д. Характерно в этой связи название книги, написанной самым, вероятно, «близким» россиянам главой Украины, ее вторым президентом Леонидом Кучмой⁶² – «Украина – не Россия». Стремление находиться с Россией на расстоянии «вытянутой руки» указывало на подспудную неуверенность украинских элит в их способности конкурировать с притягательностью «Русского мира» для, вероятно, большей части населения Украины. Отсутствие в украинских элитах значимого евразийского, или «общерусского», общеславянского движения превратило захолустные западные области страны в единоличного национального лидера.

В принципе, Москва, действуя она стратегически, могла бы сформулировать цель содействия формированию на Украине другой элиты, ориентированной на новое, постимперское сближение с Россией. Эта цель, однако, так и не была поставлена. Украинский национализм, выросший на западе страны и распространившийся на ее центр и столицу, не получил конкурента на русскоязычном юго-востоке страны. Кремль предпочитал общаться с Банковой улицей в Киеве, не работая достаточно плотно с потенциальными стратегическими союзниками в Харькове, Одессе и Донецке или же работая там с откровенными маргиналами. Даже «оранжевая революция» 2004 года не стала толчком к изменению этого подхода. С 1991 года российские лидеры были нацелены на верхушечные соглашения с киевской властью, а в последние десять-пятнадцать лет их основным инструментом стали политические технологии. Это предопределило поражение в 2014–2015 годах пророссийских тенденций на Украине и российской политики на украинском направлении.

Украинский кризис продолжается, но он уже привел к серьезным последствиям для дела евразийской интеграции. Крым в 2014 г. вошел в состав Российской Федерации, Донбасс (точнее, часть Донецкой и Луганской областей Украины с областными центрами, ставшие территорией ожесточенного вооруженного конфликта) создал отдельные, не подчиняющиеся Киеву и опирающиеся на помощь и защиту Москвы республики. Большая часть юго-востока Украины осталась под контролем киевских властей. Российско-украинские отношения стали откровенно враждебными, и эта взаимная враждебность уже затронула большую часть элит и значительную часть обществ обеих стран.

В подходе Москвы коренилась фундаментальная ошибка. Русские и украинцы – не один народ хотя бы потому, что сами украинцы – тоже не один народ. Тесная связь украинцев и русских несомненна, а их «границы самоидентификации» условны. Попытка украинских националистов отрицать «русскость» на Украине привела к фактическому расколу страны. В то же время игнорирование влияния украинского национализма, его глубоких корней в украинских элитах и, главное, невозможность успешной конкуренции с национализмом для включения Украины в евразийский проект обрекло украинскую политику Москвы на неудачу.

Сыграли свою роль отсутствие на протяжении двух десятилетий целенаправленной политики на украинском направлении, а затем подмена политики политтехнологиями. «Русский мир» – концепция «мягкой силы» – был применен в боевых условиях, когда на обеих сторонах конфликта в Донбассе воевали в основном люди, говорившие по-русски. Наспех очерченная, «эскизная» Новороссия «схлопнулась», так и не раскрывшись. В результате

⁶² Л. Д. Кучма был главой украинского государства с 1994 по 2004 год. Его книга была опубликована в России в 2003 году.

свержения Януковича и последовавших за этим событий в Киеве возник режим, относящийся к России более враждебно, чем любое другое государство в мире.

Украинский кризис отразился на отношениях России с партнерами по ЕАЭС – Казахстаном и Белоруссией. У Астаны и Минска возникли опасения по поводу территориальной целостности своих государств. Идея «Русского мира» оказалась слабо увязанной с евразийским проектом. Санкции Запада против РФ, введенные весной и летом 2014 года и нацеленные на изменение российской политики в отношении Украины, рикошетом ударили по партнерам Москвы. Обвал цен на нефть во второй половине 2014 года вкупе с западными санкциями и структурными проблемами самой российской экономики вверг Россию в серьезный экономический кризис, сведя к минимуму выгоды от интеграции.

Надо сказать, что и до украинского кризиса полная – политическая – интеграция в рамках Евразийского союза непредвзятым исследователям представлялась проблематичной. Минск и Астана совершенно не стремились вновь войти в союз – теперь уже Российский⁶³. Возможности уравновесить РФ в рамках ЕАС у них не было, особенно в условиях отказа Украины от членства в нем. Отсюда интеграция изначально была реалистичной лишь в усеченном варианте: экономическом союзе России и двух других стран, при сохранении реального суверенитета каждого участника. Такой вариант скорее напоминал НАФТА – Североамериканскую зону свободной торговли, чем ЕС с его наднациональными центрами принятия решений.

Итак, идея создания «центра силы» вокруг РФ – полноформатного экономического, финансового, политического, военного союза – оказалась невостребованной за пределами России. Очевидно, что Украина для евразийской интеграции утрачена окончательно. Силы, пришедшие к власти в Киеве в 2014 году, однозначно ориентируются на Запад – Евросоюз и НАТО. Однако эта потеря – кажущаяся. Если бы Украину удалось привлечь к российскому интеграционному проекту, то цена для Москвы оказалась бы непомерно высокой. России пришлось бы оказать Украине огромную финансовую помощь, дать Киеву большие права в интеграционных органах, которыми он мог бы злоупотреблять, сознавая при этом, что в конце концов украинская элита, получив российскую помощь, рано или поздно повернет на Запад. Так что неучастие Украины в проекте евразийской интеграции является для России скорее благом.

В основе российской идеи евразийской интеграции лежит именно геополитический интерес создания на пространственной платформе СССР нового «центра силы» во главе с Москвой. Экономический интерес здесь присутствует, но он стоит на втором плане. Действительно, объем внешней торговли РФ со странами ЕАЭС невелик: в общей сложности 7 % всего товарооборота страны. Но именно то, что привлекает Россию в этой интеграционной идее – возможность сформировать под своим началом самостоятельный «центр силы» между Евросоюзом и Китаем, – отпугивает партнеров Москвы, опасющихся доминирования РФ в новой конструкции.

Евразийская альтернатива евроатлантической интеграции, таким образом, не была реализована не из-за противодействия извне и не из-за сопротивления внутри России такому проекту, а из-за отсутствия необходимых предпосылок в странах СНГ. Элиты и наиболее влиятельные общественные группы во всех бывших советских республиках через двадцать пять лет после распада СССР продолжают выступать за государственную независимость. И для всех них независимость означает прежде всего самостоятельность по отношению к

⁶³ Достаточно указать на то, что ни Белоруссия, ни Казахстан не признали вслед за Россией независимость Абхазии и Южной Осетии и продолжают признавать Грузию в границах 1991 года. Не признали эти страны и вхождение Крыма в состав РФ.

Москве – бывшей метрополии. Становиться частью «российского центра силы» не хотят даже ближайшие союзники и партнеры России – Белоруссия и Казахстан.

Итак, налицо кризис внешней политики России на двух важнейших направлениях – «западном» и «евразийском». Современная российская дипломатия высокопрофессиональна, чрезвычайно опытна и временами блестяща, но стратегия внешней политики страны нуждается в новом целеполагании. Россия как часть Запада (Евро-Атлантики) и Россия как Евразия не состоялась. Требуются новые цели и ориентиры, новая стратегия международной политики.

К новому реализму

Победы, как правило, расслабляют. За Отечественной войной 1812 года и победоносным вступлением русских войск в Париж в 1814 году последовал длительный период российского доминирования в Центральной Европе, который принес мало пользы стране и завершился болезненной неудачей в Крымской войне 1853–1856 годов. За взятием Берлина и Победой 1945 года последовал еще один период российского доминирования в Центральной и Восточной Европе, где СССР гораздо больше вкладывал, чем получал взамен, а спустя четыре с половиной десятилетия произошел развал Советского Союза.

Поражения, напротив, способны учить. Россия возродилась после тяжелейшей Смуты начала XVII века и затем еще раз в начале прошлого столетия после катастрофы Первой мировой войны, революции и трагедии Гражданской войны. Неудача в Крымской войне 1853–1856 годов заставила Александра II провести реформы, которые модернизировали страну внутри и усилили ее вовне. Крах коммунистической системы в 1991 году создал условия для свободного развития страны, раскрепощения ее потенциала. Открывшиеся возможности, однако, сдерживаются или блокируются существующей политической и экономической системами.

Сегодня очевидный провал евроатлантического и постсоветского интеграционных проектов развязывает руки для собственно российского национального проекта XXI века. В глобальном мире Россия может успешно развиваться и отдельно от Европейского союза, но тесно сотрудничая с европейцами. Для успешного развития России вовсе не нужен «довесок» в виде Белоруссии и Казахстана, не говоря уже об Армении, Киргизии и Таджикистане. Украина с якобы критической массой для интеграции с РФ утрачена безвозвратно. России предстоит выступать на глобальной площадке как самостоятельной и самодостаточной единице. Все в конечном счете будет зависеть от того, как станут развиваться экономика, политика и гражданское общество в самой России.

Для успешного развития нужно определиться с исходным положением, целью и ориентирами: к чему стремиться в глобальном мире, как определять степень приближения к цели или удаления от нее. Общее видение может быть следующим.

Геополитика. Россия – страна между трех океанов, в центре огромного Евразийского континента. Это создает возможности для непосредственной, самой широкой и тесной связи с большей частью мира – Европой; Восточной, Южной и Центральной Азией; Ближним и Средним Востоком; Северной Америкой.

Этнические корни и культура. Россия – страна с европейскими этническими и цивилизационными корнями, православной христианской традицией, но со значительным – и растущим – мусульманским элементом. Это создает возможности для того, чтобы быть межкультурным, межкультурным интегратором. Духовная основа России – общероссийская культура, которую несет прежде всего русский язык. Это культура мирового уровня.

Итак, Россия – страна самодостаточная, самостоятельная, сложная, с глобальным видением и традиционным размахом.

В то же время Россия – страна лишь среднего по мировым меркам уровня развития. Россия находится лишь в начале процесса трансформации и модернизации экономики, политической системы и общества. Она обладает существенным человеческим и огромным природным потенциалом, который задействован пока еще очень слабо. Российская экономика относительно слабо развита; демографический капитал в целом недостаточен для нормального развития; образование, наука и техника в последние четверть века деградировали. Дополняют картину архаичная политическая система и неэффективная система государственного и корпоративного управления.

В глобальном мире, тем не менее, место России – среди других крупных самостоятельных величин. В отличие от Советского Союза и современных США или Китая нынешняя Россия – не сверхдержава, не мировой или континентальный гегемон и не претендент на такую роль. Она великая держава не потому, что способна контролировать других и навязывать им свои нормы, правила и решения, а благодаря высокому уровню самодостаточности и собственной устойчивости к внешнему воздействию, а также, что очень важно, благодаря принципиальной способности производить глобальные публичные блага, такие как обеспечение международной безопасности, международного правосудия и миротворческого посредничества.

Российская Федерация, пережившая распад СССР, политические потрясения 1990-х годов, экономические кризисы 1998–1999 и 2008–2009 годов и проходящая через нынешний многомерный кризис, начавшийся в 2014 году, сумела сохранить известную внутреннюю устойчивость. Ей удалось удержаться от гражданской войны, снять остроту проблемы сепаратизма, решить чеченский вопрос. Россия также унаследовала от СССР атрибуты высокого международного статуса: членство в Совете Безопасности ООН и весь советский ядерный потенциал сдерживания.

Физически Россия занимает восьмую часть мировой суши, на треть расположенной в Европе и на две трети в Азии, имеет выход к Атлантике, Тихому и Северному Ледовитому океанам, непосредственно соседствует со странами Запада, Востока, исламского мира. На протяжении столетий Россия остается глубоко вовлеченной в международные отношения в Европе, Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, а в течение большей части XX века она приобрела ценнейший и уникальный опыт ведения в полном смысле слова мировой политики. Россия не нуждается ни в каком дальнейшем приращении своей территории. Что ей действительно необходимо – это качественный человеческий капитал.

Демографический потенциал современной России относительно скромнен. 145 млн человек – это всего 2 % населения Земли, около 45 % населения США, 30 % населения Европейского союза и примерно 10 % населения Китая. После распада СССР Россия стояла на краю демографической катастрофы и лишь в начале нынешнего столетия несколько отодвинулась от этой черты. Рождаемость остается недостаточной для простого воспроизводства населения, смертность существенно превышает европейские показатели. Продолжительность жизни россиян также существенно ниже уровня развитых стран. Качество населения – его здоровье, образовательный уровень – средние по мировым меркам, как и уровень доходов и качество жизни населения. Поднять демографическую капитализацию России за счет повышения качественных характеристик населения – важнейшая и первейшая общенациональная задача.

Экономический потенциал России, выраженный в процентах от мирового ВВП, невелик – всего 3 %. Сегодня он основывается главным образом на природных ресурсах, прежде всего энергетических. В будущем должно возрасти значение других видов природных ресурсов, в том числе пресной воды, пашни, лесов. Главная задача России, в том числе и для укрепления ее международных позиций, – существенно поднять уровень экономического развития страны, особенно в промышленности, диверсифицировать структуру экономики, добиться повышения производительности труда, сокращения коррупции, реализации действительного законопроятия. Слабость и очевидная однобокость российской экономики – самое уязвимое место нашей страны как международного игрока.

Военный потенциал РФ внушителен: 45 % мирового арсенала ядерного оружия. Успешно восстанавливаемые на современной технической базе крупные обычные вооруженные силы (около 1 млн человек) создают ситуацию сдерживания других ядерных держав и предоставляют военно-политическому руководству страны важный инструмент защиты национальных интересов страны. Россия обладает способностью действовать в новых сфе-

рах обеспечения безопасности, таких как киберпространство и космос. Главное на этом направлении – удерживаться в рамках достаточности для решения задач сдерживания и защиты интересов, избегать губительной и бессмысленной гонки вооружений с экономически более мощными государствами.

Внутриполитическое положение России противоречиво. Относительная стабильность пока что обеспечивается наличием популярного лидера, который руководит страной посредством разветвленного бюрократического аппарата, часто прибегая к методам ручного управления. Политические институты остаются слабыми и несамостоятельными. Оппозиция дегенерирует, либо превращаясь в особый департамент при власти, либо действуя не только вне официальной политической системы, но и вне (а иногда и против) государства. Как свидетельствует опыт XX века, без укрепления и утверждения институтов политической системы на основе общенационального согласия Россию могут вновь ждать крупные потрясения.

Международное положение России после 2014 года чревато опасностями, но одновременно открывает ряд новых возможностей. Война на Украине может возобновиться и расширяться, втягивая и Россию. Прямой конфликт с США в принципе не исключен. Отношения с Евросоюзом и рядом других развитых стран (Канада, Австралия) натянуты. Конфронтация или охлаждение отношений с Западом могут продолжаться годами; компромисс проблематичен. Основные потенциальные внешние ресурсы для модернизации становятся для России все менее доступными. В этих условиях есть опасность впасть в большую зависимость от Китая. Место проекта «Большой Европы» может занять проект «Большой Азии». Иначе говоря, линия Дублин – Владивосток может смениться курсом на Шанхай – Петербург.

Возможности в этих условиях связаны с отказом от неработающих схем и поиском новых путей. Поворот России на быстрорастущий Восток (прежде всего Китай) и поднимающийся Юг (Индия и другие страны) становится насущной потребностью. Но этот же поворот соответствует глобальному тренду перераспределения силы и влияния в мире в пользу незападных стран. В меняющемся мировом раскладе и в возникающем новом мировом порядке у России есть не только возможность, но и необходимость вновь делать выбор. Как России использовать имеющийся потенциал, чтобы выйти из внешнеполитического кризиса обновленной и усилившейся? В следующих главах будут обозначены некоторые соображения по выстраиванию новой внешней политики РФ.

II. Идентичность Российской Федерации

К началу XXI века завершилась самая серьезная попытка превратить Россию в часть западного мира и практически одновременно пресеклась российская имперская традиция «собрания Евразии». Российская Федерация не вошла в Евро-Атлантику ни в качестве полноправного члена, ни как «друг семьи», и при этом не только окраинные территории (Прибалтика, Закавказье, Центральная Азия) окончательно самоопределились, но и ядро «Русского мира» оказалось расколотым. Россия осталась сама по себе.

Почти одновременный крах основной и альтернативной концепций российской идентичности – «евроатлантической» (Россия – часть западного мира) и «евразийской» (Россия – самодовлеющий центр Евразии) – заставляет начать разговор о будущем российской внешней политики с вопроса о национальной идентичности россиян и о международной идентичности современной Российской Федерации. Иными словами, попытаться дать ответ на вопросы «кто мы?», «где наше место в мировом раскладе?». Это станет отправной точкой для всех дальнейших построений.

Базовые характеристики Российской Федерации: география, этничность, культура, история

Согласно действующей Конституции страны, «Россия» является сокращением полного названия государства – Российской Федерации. Употребляя слово «Россия» сегодня и применительно к сегодняшнему дню, мы должны четко понимать, что имеем в виду именно Российскую Федерацию, а не историческую Россию – царскую, императорскую или советскую. Российская Федерация является продолжателем тысячелетней традиции отечественной государственности, и ее предшественники – СССР, Российская империя, Московское царство, Древняя Русь – тоже являются «нашими», но при этом полного тождества РФ с СССР или Российской империей быть не может.

Даже уменьшившись территориально после распада Советского Союза, Российская Федерация занимает большую часть европейского Востока и весь север Азии, фактически являясь страной-континентом. Для россиян эти одиннадцать часовых поясов – единое пространство от Калининграда до Магадана, от Севастополя до Владивостока, от Мурманска до Анадыря. В пределах этого пространства в 17 млн кв. км граница между Европой и Азией по Уралу – чистая условность. Знаменитая фраза де Голля о «Европе от Атлантики до Урала» всегда озадачивала русских: они приветствовали, что французский президент включал их страну – тогда Советский Союз – в «Европу», но не понимали, почему он ограничивал это включение только европейской частью СССР.

Красноярск, Иркутск или Хабаровск – очевидно европейские города, хотя и расположенные далеко за пределами географической Европы. Побывав в 1974 году во Владивостоке, где состоялась встреча генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева и президента США Джеральда Форда, и прилетев потом в Пекин, государственный секретарь США Генри Киссинджер, к неудовольствию китайских собеседников, говорил о Владивостоке как о европейском городе⁶⁴. При этом интересно отметить, что ориентированная в то время на СССР монгольская элита ассоциировала свою страну с Восточной Европой, что в политическом отношении было совершенно оправданно.

Благодаря своему положению между тремя океанами – Атлантическим, Северным Ледовитым и Тихим – Россия является не только евразийской, но также арктической и тихоокеанской страной. Последнее определение особенно важно. Оно подчеркивает, что исторические корни России и ее ядро расположены в Европе, и одновременно указывает на важнейший факт наличия у страны широкого выхода к Тихому океану – мировому Средиземноморью XXI века, соединяющему ее с Восточной и Юго-Восточной Азией, обеими Америками и Австралией. С точки зрения потенциальных внешних факторов развития России Тихий океан сегодня – это аналог Балтики в начале XVIII столетия.

В демографическом отношении Россия – полиэтничное государство. Русский этнос в Российской Федерации доминирует однозначно (80 % русских в населении страны). При том, что русские являются восточными славянами, славянские корни – лишь одни из составляющих российской этничности. «Чисто славянское содержание, – писал русский консервативный мыслитель Константин Леонтьев, – слишком бедно для ее (России. – Д. Т.) всемирного духа»⁶⁵. Русские – результат тысячелетнего соседства славян со многими этносами финно-угорского и тюркского происхождения. Славянство – лишь одна из сторон русской этничности, хотя и наиболее важная.

⁶⁴ Henry A. Kissinger. *Years of Renewal*. N. Y.: Simon and Schuster, 1999, p. 287, 869.

⁶⁵ Леонтьев К. *Славянофильство и грядущие судьбы России*. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 494.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.